

ДОРОГАЯ ПРОПАЖА

Сергей Минский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Минский
Дорогая пропажа

«Автор»

2013

Минский С. А.

Дорогая пропажа / С. А. Минский — «Автор», 2013

Что Наташа и Паша – пара, такая же истина, как и та, что Солнце всходит и заходит. Но вернувшись из рядов Советской Армии, Паша вдруг заявляет, что хочет учиться в университете, и для этого ему необходимо уехать в областной город и три курса закончить на стационаре. Наташа чувствует себя униженной. С двумя подругами она уезжает по комсомольской путевке на Север. А через полгода, получив предложение руки и сердца от главного инженера шахты, выходит замуж. Через пятнадцать лет под Новый год - на рубеже смены тысячелетий - волей провидения дороги Павла и Наташи снова пересекаются. Содержит нецензурную брань.

© Минский С. А., 2013

© Автор, 2013

Сергей Минский

Дорогая пропажа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Билеты на поезд Наташа брала за две недели. Туда и обратно.

В зале с междугородними кассами людей немного. К одной – и вовсе – две претенциозных в одежде дамы, девушка и мужик. Со спины именно мужик. Высокого роста. Неопрятно одетый. Длинная худая шея торчит из когда-то белого полушубка – без шарфа. «Странный какой-то», – Наташа, поколебавшись, стала за ним. Услышала, как он что-то нашептывает сам себе. Автоматически отодвинулась. Появилось чувство гадливости от истекающего от человека запаха. Тут же напомнила о себе совесть. Наташе всегда становилось не по себе, когда успевала пропустить иницированную подсознанием, в таких случаях, негативную оценку. Но на помощь уже спешила оправдательная философия – соломинка – спасительная реакция организма. «Следить за собой нужно... – подумала, – Почему я должна с уважением относиться к тому, кто с неуважением относится ко мне? – она сделала еще полшага назад, – До чего же отвратительно пахнет». Появилась даже тошнота. Подступила к горлу от кислого запаха давно нестиранной одежды, от дыма дешевого табака, вьёвшегося в овчину явно не фабричной выделки. Она усмехнулась: «Видимо, поэтому и людей к этой кассе столько».

Мужик резко обернулся, продолжая почти неслышно шевелить толстыми губами, странной деталью выступавшими на худом с мелкими чертами лице. Под носом и немного на подбородке пучками торчавшая редкая растительность почему-то обошла своим вниманием чуть обвисавшие щеки. Они розовели, как у подростка, несмотря на то, что их обладателю не меньше пятидесяти. Мужик словно слышал мысли Наташи. Бесмысленно посмотрел сквозь нее рыбьими глазами.

«Ненормальный какой-то», – ей стало жутковато. Появилось желание перейти к другой кассе. Но сразу пропало, когда увидела, что дамы впереди, как оказалось, вместе: они, разглядывая билеты, отошли в сторону. «Потерпишь, дорогая, немного осталось. И вообще: нечего аристократку из себя корчить».

Девушка, стоявшая перед «кислым» мужиком, задержалась буквально на три минуты. Но «кислый», пытаясь добиться своего, проторчал у окна минут десять. Достал своей бестолковостью и невразумительной речью всех: и кассира, и Наташу, и тех, кто уже выстроился за ней. За спиной она слышала ропот и соответствующие ситуации реплики.

В конце концов, так и не добившись своего, мужик, чуть прихрамывая, удалился. Наташа вздохнула с облегчением, подошла к кассе и сразу же о нем забыла.

– Слушаю вас? – юное создание в железнодорожной форме вдруг вызвало ностальгию. Девушка напомнила о времени, когда Наташа и сама работала на «железке» – проводницей на линии «Москва – Воркута». Вот так же – в форме. С молоточками в петлицах. Словно вчера.

– Мне на двадцать девятое, до Минска, один купейный, – она подождала, пока тонкие пальчики, с длинными покрашенными ноготками царапали клавиатуру, – И обратный – из Минска, на третье января... Тоже купейный.

– Так, – девушка назвала стоимость билетов, номера поездов до Москвы и от Москвы, выдала дежурную улыбку с ничего – по ее голосу – не значившей фразой «счастливого пути».

– Спасибо, – Наташа улыбнулась, по старой привычке пробежала глазами по цифрам на листке и отошла, вздохнув облегченно – дело сделано. Девушка с молоточками в петлицах, навеяла ностальгию: захотелось пойти на перрон – вдохнуть запах юности. Она поправила шаль, застегнула дубленку и вышла из кассового зала на освещенное фонарями внутреннее пространство вокзала. Поднялась на перрон – к поездам.

Казалось, здесь уже царило предпраздничное оживление: словно до Нового года не две недели, а часа два – не больше. Искрящийся отраженным светом снег, клочками пуха разбросанный по притоптанному перрону, испуганно шарахался в стороны от торопливых ног. Бесперывная полярная ночь и яркие – даже здесь – звезды на черном небе рождали ощущение присутствия вечности. И от этого присутствия в сиюминутности житейской суеты в душе исподволь возникал конфликт, внося в окружающую картину еще большую жизненность. Легкий запах крезота и угольного дыма, вертикально поднимавшегося над крышами вагонов, возвращали полузабытые чувства. А морозный, покалывающий ноздри, воздух, словно лопающиеся пузырьки восхитительного шампанского, добавлял в них остроты. Это бередило душу, соединяя прошлое и настоящее, отчего все, что в ней происходило, и начинало казаться настоящим.

«Господи, как же давно это было! И как недавно», – Наташа бесцельно пошла по перрону. Окна с фирменными занавесками и провожающие, смешно жестикующие около них. Девушки и парни в темно-синих, кажущихся черными шинелях у проемов вагонных дверей, занятые проверкой билетов и просто общавшиеся со своими коллегами из соседних вагонов. Группы и одинокие пассажиры с чемоданами и сумками, спешившие скорее занять свои теплые места. Это было так знакомо, так грустью отзывалось в сердце, и в то же время наполняло его радостью, что у Наташи увлажнились глаза. Наконец, после горделивого напоминания диктора, поезд громыхнул многотонным металлом, стронулся с места и, набирая ход, стал все чаще повторять на стыках свое привычное «тук-дук, тук-дук».

«Все! Домой! Хватит ностальгии!» – она вдруг ощутила дискомфорт. Пальцы ног начинали зябнуть даже в пимах. А волоски мохеровой шали с осевшим на них от дыхания инеем, норовили неприятно коснуться щек, если нужно было повернуть голову. Тепло кассового зала, недолго ощущавшееся под дубленкой, ушло, как и желание оставаться на стылом морозном перроне. Наташа заторопилась. Обошла здание вокзала и через пару минут уже была на привокзальной площади. Пришлось немного пробежаться, потому что боялась не успеть на стоявший у остановки автобус. Оказалось – зря. Он еще минут пять не трогался с места.

Из автобуса – в магазин: купить, по дороге, молока и хлеба.

Выйдя на улицу, Наташа снова испытала радостное чувство: при полном отсутствии движения в воздухе, плавно паря, кружились редкие снежинки. Это было так красиво – так сказочно красиво, что она остановилась, залюбовавшись. И покупка билетов, предполагавшая поездку к сестре на Новый год. И начинавшийся в безветрии и свете фонарей снегопад. И вит-

рины магазинов, сплошь украшенные огнями и серпантином. Ярко освещенная улица и толпы народа, сновавшего взад и вперед по своим делам. Все это создавало ощущение неизбежно приближавшегося праздника. Вплетало в его канву ожидание чего-то хорошего и светлого. Того, что обязательно должно случиться, наперекор уже случившемуся.

Состояние сознания, только что восторгавшегося великолепием окружающего мира, изменилось, заставив Наташу уйти в себя. Вот радоваться бы. Ведь по-настоящему не любила мужа. И не то чтобы просто догадывалась, знала наверняка – изменяет. Ушел. Оставил все. Казалось, о чем мечтать? Ведь иногда сама об этом думала: «Вот если бы...» А ушел, и как-то грустно стало. «Ну не любила. Ну и что? – во внутреннем взоре мелькнуло лицо мужа, – Жили же все-таки. Сколько таких, как мы... А, может, привычка? Из-за этого и не по себе?» В сознании на секунду возникла пауза. Словно оно куда-то исчезло – улетело на краткий миг. И сразу же вернулось. Принесло с собой понимание, что привычка привычкой, но ее роль не настолько велика, как может показаться, что причина грусти и сосущего ощущения пустоты совершенно в другом. «Потому что опять бросили... – тайна, которую тщательно прятала и охраняла бессознательная Наташина суть, наконец, стала явью, – Потому что оставили за ненадобностью... Та ведь беременна», – Наташа исподволь тяжело вздохнула и мысленно, как бы очнувшись ото сна, поймала себя на этом. Она знала имя любовницы мужа, но иначе как «та» или «эта» не называла – язык не поворачивался. «А чего я ожидала? Что все будет тишь да гладь, если муж на десять лет старше? Я увела, и у меня увели... Так тебе и надо». Но где-то глубоко внутри теплилось и уже начинало расти удовлетворение. Она свободна. У нее есть все для жизни. А тут еще письмо Полины. Подсознание, зацепившись за возникшую информацию, стало провоцировать чувства, а те, в свою очередь, воображение. И Наташа, не колеблясь, поддалась обаянию их тандема. «Неужели, Пашечка развелся со своей? Полька написала, что обратный ход вряд ли будет – проблема разрослась... Теперь эта поездка... Неужели судьба снова собирается свести нас? – сердцу в груди стало тесно, и она выдохнула воздух, – А сын его? Вдруг ради сына сойдутся?» Наташа нутром вдруг ощутила, что не сможет вот так – сходу. Поняла, что ей необходимо время, чтобы окончательно убедиться, что с Пашей не все в прошлом. «Приеду – увижу, – решила, – Мало ли что Полинка говорит».

Воспоминания пробудили «спящую собаку». Неприятное ощущение, еще неосознанное, испортило кровь. Появилось жжение в ямочке между ключиц: «Неужели обида так и не ушла?»

Уже дома, лежа в постели и муссируя моменты прошлого, поняла окончательно – нет, не ушла. Притупилась с годами, но при мысли о возможной встрече стала оживать. В тишине и полутьме ночи яснее и четче проступало минувшее, которое, казалось, давно отпустило. «Вот как? – подумала, – Меняются обстоятельства, и все возвращается? Ну и как тебе такое будущее? Как оставить пережитое там, если – вот оно – тут как тут?» – картины последних перед расставанием встреч, пробиваясь из памяти и сменяя одна другую, стали оживлять горечь унижения и тоску бессмысленности жизни, навалившихся тогда от невозможности изменить течение жизни, от почти детской беспомощности.

Несколько раз перед тем, как уйти, сознание Наташи ныряло в пограничную зону, но снова возвращалось, перемежая сон и явь. И, наконец, прозрачная, словно сквозь сеточку матрицы, темнота, как показалось, поглотила восприятие реальности.

– Пашенька! – кричала она через огромную, окаймленную березами поляну, благоухающую цветами, – Я люблю тебя! Па-а-ша-а!

Неестественно яркий солнечный свет, нестерпимо отражавшийся от стволов, от молодой, еще с клевиной, светлой листвы, от белого, чуть с розовинкой подола сарафана, заставлял щуриться. Сквозь ресницы видела – Паша не слышит ее. Побежала в его сторону, размахивая руками, и продолжая звать. Но вдруг заметила, что луг, как беговая дорожка, проскальзывает под ногами, и она остается на месте. Пришло недоумение: «Так ведь не может быть». Взглянула в сторону любимого и удивилась еще больше. Поляна растягивалась, и крошечный Пашечка становился все меньше и меньше, пока, наконец, не исчез.

За недоумением пришло отчаяние. И она снова закричала, стала звать его... И проснулась, уловив при пробуждении свой пораженный страхом утробный голос. Скорее звериный вой, чем произвольный вскрик напуганного человека. От этих обертонов сердце заколотилось еще сильнее, заставив окончательно отступить сон.

Еще несколько секунд Наташа пыталась сдерживать слезы. Но все же расплакалась.

Свет уличного фонаря, чуть растворял темноту комнаты. Причудливо очерчивая предметы, он создавал иллюзию вечера. Не воспринимаемое до этого тиканье часов неожиданно заполнило пространство комнаты, заменив собой всхлипы и шмыганье носом. Слез уже не было: на душе стало легко и ясно, как в летний день после смывающего отупение жары роскошного ливня. Лишь неприятно пощипывало веки, и чувствовалась их припухлость при моргании. Автоматически прикрыв глаза, Наташа щелкнула выключателем ночника. Освободилась от одеяла и, опустив ноги на коврик, села. Сон, только что владевший сознанием, померк. Стали появляться мысли о насущных делах, связанных с началом дня, чтобы упрятать видения в бессознательность памяти. И лишь кровь, все еще несущая по венам остатки отравы, брошенной страхом, не давала чувствам полной свободы от только что увиденного.

2.

За окном шел снег, своим падением выдавая силу и направление ветра. Подхваченные воздушными потоками у стен дома снежинки иногда, изменив направление, начинали быстро подниматься вверх. Павел провожал их взглядом. И получалось – уже не видел домов, расположенных в линию напротив. Исчезали ориентиры, отчего казалось, что что-то не так, что мир перевернут с ног на голову. Снежинки, увлекаемые к небу – уже не белые против света, а темные, словно сажа, искажали действительность, нарушая привычное мироощущение. Щекочущее непонятное чувство появлялось в груди. Интересное, захватывающее зрелище. В сбитом с толку сознании возникало ощущение беспредельности пространства, провоцируя собой такое же беспредельное одиночество. В этот момент душа Павла отождествлялась со всем, о чем он спонтанно размышлял. С пульсирующим безбрежным пространством. Со снегом, похожим на сажу. С жизнью – с ее всеми такими мелкими в этой беспредельности переживаниями. Тогда он сам начинал пульсировать. То вырывался мыслью в безграничный простор, то вновь возвращался к повседневности. Вселенная завораживала своим величием, трансформируя психику. Мысли делали настойчивые попытки описать эмоциональное состояние. Возвращали к реальности, цепляясь за конкретно существующие детали жизни. Но через несколько секунд одержимые высокими чувствами снова взмывали к вершинам совершенства и снова лелеяли надуманное, которое, вопреки прагматичности ума, в этот момент казалось не менее реальным. В конце концов, все это стало надоедать. И Павел перевел взгляд на проспект.

До Нового года оставалось несколько дней, а он, оставшись без семьи, еще до конца не решил, где будет его отмечать.

Благодаря беспардонности тещи их общие знакомые оказались втянутыми в семейные разборки. Она периодически названивала всем, рассказывая то, что считала нужным. Было совершенно понятно, что женщина всеми возможными способами старается рассорить дочь с мужем. И через создаваемое ею общественное мнение в том числе. Казалось, успокоиться бы ей после рождения внука. Но нет. Однажды наметив себе такую задачу, когда зять как-то попытался поставить ее на место, она методично проводила задуманное в жизнь. Да и задуманное ли. Судя по всему, все у нее, скорее, получалось само по себе, от переизбытка энергии. Просто она так чувствовала, и законы логики, не говоря уже о более высоких материях, для ее уровня восприятия жизни были чужды. Капля камень точит. Если вначале Лена отмахивалась от матери, от ее неуклюжих домыслов, связанных с мужем, то со временем вся эта галиматья стала прорастать в ней. Порой ей начинало видеться подтверждение ее слов. Срабатывал принцип: если в этом случае мама права, значит и в остальном, наверное, тоже. Сколько раз Павел просил жену уйти жить на квартиру. Ни в какую. Сколько раз задавал простой вопрос – почему? Но ни разу не получил вразумительного ответа. Только детский лепет. Понятно было одно – никакая квартира, которую мог позволить себе снять муж, не шла в сравнение с папиными апартаментами. В дополнение ко всему Лена оказалась до крайности ревнивой женщиной. Впрочем, как и ее мать, всю жизнь донимавшая мужа претензиями, что тот ей изменяет. Количество собираемого негатива подходило к критической массе. Прибавилось еще и то, что с братом Лены – на почве разногласий с Елизаветой Кондратьевной, у Павла случилось пару серьезных стычек. Двадцатидвухлетний – достаточно инфантильный – молодой человек дважды в состоянии опьянения пытался ударить Павла. И если в первый раз Павел «отнырялся», уходя от кулаков, казалось, ни с того, ни с сего разъярившегося парня, и все, слава богу, успокоилось с приходом тещи, то в другой – драка случилась. За несколько лет диверсионной работы, очень эмоционально проводившейся, теще, наконец, удалось добиться своего. Она торжествовала. В один из вечеров – пару недель назад, когда Павел пришел за оставшимися вещами, Елизавета Кондратьевна, обращаясь к дочери, почти прокричала с надрывом: «Ну что я тебе говорила?» По всему было видно, что на самом деле она обращается не к ней – к нему. «Ленке, – догадался, – она уже высказала это не раз».

– Я же говорила, – в ее голосе еще сильнее проступило торжество, – не остановит его ребенок. Таких безответственных поискать еще надо, – теща победоносно проследовала в другую комнату, громко хлопнув дверью, – Папочка твой, негодяй, пришел. Полюбуйтесь на него.

За дверью раздался голос сына:

– Сама ты... – он всхлипнул, видимо, сдерживаясь, чтобы не заплакать, – Мой папа хороший.

Павла передернуло.

– Елизавета Кондратьевна... ну зачем вы так?

– А как с тобой прикажешь? – визгливо прокричала теща, – Ты же – подонок. Ребенка сиротой оставляешь.

«Затравили суки ребенка», – он чуть сдержался, чтобы не пойти туда. Но вовремя остановился, зная, что за этим может последовать.

– Алеша, – позвал, – Иди ко мне, сынок.

Мальчик вышел и растерянно посмотрел на него, видимо, не понимая, что ему делать дальше.

Павел подошел, сунул ему шоколадку и погладил по голове.

– Как дела... солдат? – вспомнил, что отвечал сын, когда его спрашивали, кем он хочет стать.

– Харлашо, – Алеша как-то грустно улыбнулся.

– Ну, хорошо это хорошо, – не нашел ничего лучшего сказать Павел, и снова погладил сына по голове, – Ну беги, играй, – он посмотрел на жену, словно хотел что-то сказать.

Та продолжала молчать: она за все время не проронила ни слова. Сидела в кресле, разглядывая ногти, и демонстративно не обращала на него внимания. Лена побаивалась матери, позорно позволяя ей вытворять гадости. «Совсем неадекватна. Не понимает, что так не должно быть. Что у нас своя... – сознание запнулось, не закончив мысль, – Была...» В душе снова поднялась волна противоборствующих сил. И не хотелось уходить – оставлять сына: а вдруг бы все наладилось, вдруг жена перестала бы потакать теще? И понимал – дороги назад нет. Ничего уже не срастется. Разве что теща отдаст богу душу. Но, глядя на энергичность сорокасемилетней «мамочки», об этом не стоило и мечтать. «Эта всех закопает», – нахлынули чувства.

За дверью слышались оскорбительные в полголоса выпады тещи. «Больная!» – опять не выдержал Павел. Жена все так же, как тронутая умом, сидела, исследуя пальцы рук. Словно выискивала и исправляла огрехи маникюра, что-то сосредоточенно приглаживая на ногтях.

– Лен, где мои вещи?

Она приподняла плечо и прижала к нему голову с той стороны, откуда раздавался голос мужа, словно защищая ухо от этого голоса. Словно он ей ужасно неприятен.

– Там, где ты их оставил, – бросила, не посмотрев в его сторону. Чувствовалось, что она сдерживается, как может. Последнее время, как и теща, Лена начинала закатывать истерики, добиваясь своего. Но делала это в отсутствие матери, осторожно перенимая пальму первенства. И не допускала подобной вольности при ней. Такая манера ее поведения поражала Павла.

Он открыл встроенный шкаф. Рыночный полосатый баул, взятый у одного из друзей, на месте. Но почему-то с расстегнутой наполовину молнией. «И здесь уже поковырялась, – поморщился Павел, имея ввиду тещу, – Неугомонная! Вот уже...» Ситуация вызвала горькую усмешку. Он вытащил сумку. Подошел к двери, приоткрыл ее и обернулся: хотел сказать что-то хорошее, но почувствовал, что это отдает дурным пафосом.

– Лен? – обратился к жене.

Она резко – почти выкрикнула – выдохнула:

– Ну, иди уже! Не рви сердце!

– До свидания, Алеша.

Павел вышел, и, насколько можно быстро, засеменял по лестнице. Словно убегая. Будто боялся, что вот сейчас выскочит Елизавета Кондратьевна и что-нибудь прокричит вслед – она это могла.

Внизу ждал Слава. Он выскочил из машины, увидев выходящего из подъезда товарища, и быстро открыл багажник:

– Ну что? Дома эта?

Павел кивнул утвердительно.

– Орала? – Слава прекрасно знал Елизавету Кондратьевну.

Павел промолчал, угрюмо взглянув на друга.

– Ну что – ко мне? – засуетился тот, уловив настроение Павла, – Или к тебе – на квартиру?

– Давай, на квартиру, Слава. Что-то мне сегодня не до гостей. Если бы ты еще один был, другое дело. Не хочу кукситься перед Полиной.

– Ну, смотри, Паша... Как скажешь.

3.

За пару дней до Нового года Павел, наконец-то, решил – пойдет к Ковальским. В одиночку, в неудобной квартире отмечать смену тысячелетий – хотя подобная мысль и проскользнула – это кошунство. Предыдущие жильцы оставили после себя помещение не в лучшем виде, и он договорился с хозяевами, что сделает косметический ремонт. А стоимость зачтется ему в квартплату. Но вот уже месяц ни до чего не доходили руки: еще не пришло осмысление того, что нужно делать. Не выветрились мысли о случившемся. О том, как жить дальше. Какие отношения сложатся с ребенком – дадут ли ему встречаться с Алешей? «Судя по нынешним отношениям – вряд ли, – не заставил себя ждать ответ, – Этой... глубоко плевать на все, что за пределами ее примитивного разума». Почему-то выплыл из памяти Шариков со своим «абырвалг» и появилась нелепая мысль, что ему несказанно «свезло». «Да уж, – вздохнул, – Свезло, так свезло», – Павел вдруг ощутил всю абсурдность ситуации. Он уходит от жены, а думает о теще. Как будто с ней собирается разводиться. «А ведь и, правда, с ней, – удивился запоздало пришедшему откровению, – Как будто у меня две жены – старшая и младшая». Последнее утверждение вытасило из памяти ассоциацию с сестрами – старшей и младшей – Наташей и Полиной. Вернуло к размышлениям о Новом годе. О том, что у Славы будет не так много народу, большинство из которых – не свои. «Коллеги Станислава Францевича по бизнесу, – съязвил Павел, улыбаясь, – А им и дела до моих проблем нет. И это здорово». Но все же главное, что могло произойти в канун Нового года, было связано с возможным приездом той, что, казалось, была потеряна для него навсегда. Именно она – главная интрига вечера. Первая и единственная его любовь.

Чувство вины с годами притупилось. Осталось лишь ощущение духовной близости – иллюзия постоянного присутствия в себе на фоне тихой надежды, что рано или поздно разлука закончится. Свернувшиеся чувства, так долго подавляемые, и, в конце концов, уснувшие в укромном уголке души, проснулись и, пока еле заметно, стали разворачиваться, заявляя о себе. Они пришли как альтернатива всему его нынешнему состоянию. И поэтому защитная функция организма не запикнула их, как и прежде, в архив памяти, а начала исподволь тихонечко лелеять. Нет-нет, да и всплывали далекие, давно забытые картины и – как наяву – сопровождавшие их фантомы звуков и запахов. И тогда чувства начинали трепетать, будто от стыда. И за то, что им так и не удалось реализоваться из-за его, Павла, вины. И за то, что он подсознательно не отошел от уз брака, еще воспринимая разрыв эмоционально, а уже думал о другой женщине. Эти чувства уносили его в пятнадцатилетнее – «как будто вчера» – прошлое, пленяя теплотой и наивностью сцен. Негой вечеров, переходивших плавно в такую же прелесть ночей. В то далекое и такое близкое начало жизни, когда еще не было ни тещи, ни жены, ни этой сволочной ситуации, отнимавшей у него Алешу. Настроение изменилось. Железы внутренней секреции испортили кровь, и все прекрасное в Павле свернулось в точку. Она тут же развернулась, но уже в другом качестве. Стала культивировать и без того плачевное состояние заикленными на негативе мыслями, просочившимися из нижних пластов психики. «Точно, – цинично отреагировал ум, – Состояние существования. По-другому и не скажешь».

Три часа с момента его прихода домой пролетели почти мгновенно. Сумерки в комнате, создаваемые огнями уличных фонарей, и сосущая пустота в желудке напомнили о внешнем мире. Появилось осознание, что уже пора бы и перекусить. Он поднялся с дивана, на который прилег «на секунду», и пошел на кухню. Сделал себе пару бутербродов с сыром и чай, и, используя разделочную доску как поднос, пошел к телевизору в надежде отвлечься.

Расстился, когда почувствовал, что вот-вот уснет. Набрал на пульте время. Разделся. Скользнул под одеяло. И почти сразу же стал растворяться в потерявших смысл диалогах героев фильма. А вскоре уснул и телевизор.

Будильник в телефоне прозвенел, когда Павел уже минут десять лежал без сна. Это отвлекло от раздумий о Наташе. Она приснилась ему – такая теплая и близкая. Как наяву. Вроде, и не сон. Он даже не сразу осознал, просыпаясь, что ее нет рядом – так реально все было, и было здесь – в этой с обшарпанными обоями комнатухе, такой неуютной до появления любимой. Звонок огорчил действительностью. С тещей и всем с нею связанным.

– Тьфу ты! – Павел не сдержался от досады на такие быстрые перемены в состоянии разума, – «Быстрее в душ».

На некоторое время удалось отвлечься от беспокоивших мыслей. Тем более жизнь обязывала. Мысли о работе, о недоделанных делах, о планах на сегодня стали потихоньку брать верх. «Сегодня уже тридцатое, – констатировало сознание, – последний рабочий день, – Завтра выходной. Вот завтра подарок сыну и куплю... и отвезу...» Последняя мысль заставила инстинктивно сделать выдох. Павел на секунду замер. Словно задержка дыхания защищала его от чего-то, что могло проникнуть в организм при вдохе – могло навредить.

Через полчаса Павел уже вышел во двор и сразу оказался около машины, припаркованной здесь же – у подъезда.

– Привет, дорогая, – он, в шутку, всегда обращался с ней, как с живым существом. Однажды пришла мысль – почему? С неделю время от времени перебирал в памяти все то, что могло бы дать подсказку – привести к ответу. Потом плюнул – отпустил мысли. А через какой-то день пришла догадка. «Точно! – обрадовался, – Это же корни мои языческие. Вот где сила. Сколько тысячелетий формировалось это мировосприятие. Сколько предков моих разговаривало с камнями и деревьями, с водными потоками и горами – со всем, что только можно было одухотворить». Появилось удовлетворение. Он словно проник в прошлое, познав зов пращуров. Ощутил силу инстинктов, связавшую с теми, кто передал ему драгоценную эстафету жизни – свою кровь. Теперь каждый раз вспоминал об этом, когда приветствовал по утрам машину. А сегодня, вспомнив об эстафете, подумал о сыне: «Спит, наверное». На улице еще темно. Свет фонарей, преломляясь в заиндеветых стеклах автомобилей, делал их не просто белыми – искрящимися. «Вектра» моргнула и радостно пикнула сигнализацией. Завелась с пол оборота. Павел вышел из нее, пока она прогрелась, чтобы не запотевали изнутри стекла.

Приехав на работу, он набросал план общения с новым набором рекламных агентов, которых брали на бесплатное недельное обучение. Это его инициатива – собрать их тридцатого, провести вступительное мероприятие по выявлению потенциальных сотрудников. А уже в январе продолжить полноценные занятия с теми, кто останется. Может, кто-то передумает – сам уйдет, а кому-то придется и помочь – есть и такие. Сегодня все выяснится. Самое неприятное во всей отборочной процедуре: тактично объяснить тем, кто уж точно не потянет работу, что это для них – трата времени, что зарплата зависит от результатов напрямую. Для фирмы же эта проблема выливалась еще и в потерю времени, за которое обязательно обойдут по этим адресам конкуренты. Обязанность агента – заключение договоров. А общение с директорами небольших предприятий – задача не из простых. Они – калачи тертые. Для них нужны веские доводы, почему «именно наш каталог предоставит достойный продукт». То ли дело крупные предприятия: тут уж – кто первый пришел. Павел усмехнулся – слово «продукт» его всегда забавляло. Но таковы законы маркетинга. Реклама – это реклама. А продукт – это продукт. Слово само по себе как-то ощутимей звучит и для подсознания основательней выглядит...

– Можно войти?

Он посмотрел на часы – без четверти десять: «Сейчас начнут собираться».

– Да-да! Проходите, – кивнул просунувшейся в дверь голове.

Парень вошел, осторожно переступая. Замешкался стеснительно, как бы ища место, куда сесть.

«Неуверен в себе, – отметил Павел, – Вряд ли за неделю что-то изменится».

– Располагайтесь, – показал рукой, – Выбирайте любой стул. Напомните ваше имя, пожалуйста...

– Максим...

– А фамилия ваша, Максим... – он заглянул в список, – Покровский?

– Ну, – несмело согласился тот.

«Да-а... – диагноз напрашивался сам собой, – Ладно. Посмотрим».

Вошла девушка. Улыбаясь, сообщила, что она Татьяна Никольская, «если Павел Петрович забыл», что «думала, что уже опоздала». Спросила, куда можно сесть. И если бы не вошел следующий соискатель, вряд ли бы остановилась.

– Здравствуйте, господа. Не рано ли я? – пробасил парень и бросил свою сумку на первый попавшийся стул, – Пойду еще покурю. Где у вас тут можно, Павел Петрович?

– Направо и до упора, – Павел улыбнулся, – «Сколько лет, а никак не могу привыкнуть. Какие же все разные».

К десяти уже набралось тринадцать человек. Он подождал еще минут десять, и решил, что последних двоих ждать не будет: «Либо опоздают, либо вообще не придут».

– Внимание, – сделал паузу, пока народ сосредотачивался на нем, – Начнем, пожалуй, с того, что многие из вас, когда входили, обращались ко мне по имени-отчеству... Сообщаю вам, что у нас это не принято. Пожалуйста, по имени, но, конечно же, без фамильярности, – улыбаясь, заметил он.

Аудитория отреагировала.

– И еще, в связи с этим... У нас – да. Но, не дай вам бог, таким образом обращаться к директорам предприятий, на которые вы пойдете. Никаких таких – Николай, Иван или Александр, – Павел снова улыбнулся, – Давайте знакомиться. Мне вы о себе рассказали на собеседовании. А теперь – вкратце для остальных.

По очереди все сообщили о себе, что хотели. А дальше Павел устроил тест. Предложил ролевою игру. Разбил людей на пары, объяснив условия общения – хотелось посмотреть, кто чего стоит до обучения.

– Представьте, что уже сегодня вы пришли на предприятие.

Каждый принимал роль либо рекламного агента, либо руководителя предприятия. А Павел сосредоточенно записывал все, что считал нужным, иногда отвлекаясь на замечания или отвечая на вопросы. Четыре часа, всего с одним перерывом, прошли быстро. И в конце он сделал краткий обзор особенно часто повторявшихся ошибок.

– На этом, пожалуй, на сегодня мы и закончим. Вопросы есть? Вопросов нет, – не сделал он по-армейски паузу, зная заранее, какой будет первым, – Встречаемся с теми, кто не передумает, в четверг третьего января, – люди засуетились, собирая вещи, – И еще... – Павел нарочито громко произнес эти слова и сделал паузу.

Все замерли, обернувшись к нему – как-то по-детски, ожидая чего-то важного. И Павел, собиравшийся сотворить на лице дежурный оскал, вдруг улыбнулся от души, почувствовав, как теплота, вытекая из сердца, заполняет грудь и подступает к горлу.

– С наступающим всех. Желаю успехов в Новом году. И не только в Новом... Всем хорошо погулять.

Аудитория зашумела благодарностями. Раздались редкие аплодисменты. И народ, прощаясь, потянулся к выходу.

В дверях показалась директор. Она улыбалась, глядя на новые кадры и отвечая на приветствия. Впрочем, на работе она улыбалась всегда. Это ее стиль.

– Павел, загляните ко мне, как справитесь.

– Да я – уже. Сейчас – только закрою кабинет.

Последней выходила девушка, назвавшаяся Татьяной Никольской. И обещанного «сейчас» у Павла не получилось. Она тараторила как из пулемета, задавала вопросы, не успевая получать ответы. В конце концов, ему все же удалось культурно «выдавить» ее из кабинета. «С чувством такта у девочки слабовато, конечно. Но напориста». Павел замкнул дверь. И, войдя в соседнюю и улыбнувшись секретарше, постучался к директору.

– Ну, что, Паша? Что ты решил? – с порога спросила она.

– Вероника, огромное спасибо тебе за предложение, но я не буду все-таки нарушать традицию, буду – у Славы.

4.

Отношения между Вероникой и Павлом сложились давно. Когда-то они начинали рекламными агентами в одном из городских каталогов. Пройдя все тернии профессии и наработав достаточную клиентуру за несколько лет, оба стали лучшими по количеству заключаемых договоров. И даже в девяносто шестом, когда, казалось, все рухнет, фирма удержалась на плаву не без их участия. По-очереди лидируя, они подспудно конкурировали, стараясь не показывать этого. Но всевидящее начальство подливало масла в огонь, поощряя негласное соревнование, тем самым разводя их по разные стороны невидимого барьера. Так продолжалось до тех пор, пока у Вероники не случился конфликт с одним из учредителей на почве сексуальных притязаний. Коллеги, как всегда бывает в таких случаях, разделились во мнениях. Кто-то сочувствовал. Кто-то злорадствовал. Ну а большинство, как водится, плевало на все то, что его не касалось напрямую. Павел же воспринял это по-своему. Как личное оскорбление. Почему? Он и сам толком не смог бы объяснить. Просто Ник Ник – Николай Николаевич был ему по-человечески неприятен, если не сказать отвратителен. Хамоватый, с огромными амбициями в адрес своей собственной персоны, он раздражал его. Хотя по отношению к нему лично учредитель был лоялен. Мысль о том, что всему есть предел долго ждать реализации не заставила. И в один из понедельников, единственный обязательный для посещения конторы день в неделю, после планерки в вестибюле Павел подошел к Веронике.

– Пойдем, провожу. Нам почти по пути.

– А ты что – без машины сегодня? – она посмотрела как бы сквозь него, невесело улыбнувшись, – Что это ты, Паша? Решил приударить за конкурентом? – последнее время грустная, с каким-то оттенком обреченности улыбка нарисовалась на ее лице.

– Разговор есть.

– А-а, секреты мои профессиональные хочешь выведать. Хочешь в следующем выпуске быть лидером?

– Не смешно, – Павел взял ее за локоть, сокращая дистанцию общения.

– И ты тоже... – Вероника вопросительно посмотрела на него. Во взгляде сквозила вся накопившаяся горечь последнего отрезка ее жизни. И на глазах появились слезы.

«Кажется, я попал вовремя, – засомневался Павел, – Только мне истерики не хватало». Он вдруг понял, что ее мысли, на которых она сосредоточена последнее время, наконец, дошли до предела. Что его несанкционированное вторжение в личное пространство Вероники оказалось последней каплей, за которой последует переход количества в качество. Тем более, планерку сегодня проводил Николай Николаевич. И он подходил к ней.

– Вероника! Приди в себя! – одернул он ее, показывая серьезность намерения.

– У меня есть к тебе деловое предложение.

– А-а, деловое? – с сарказмом проговорила она сквозь слезы, доставая платок и вытирая под глазами, чтобы не размазать краску, – Ну, давай, реки... – она и впрямь успокоилась, и дежурно улыбнулась ему.

Они спустились по боковой лестнице со второго этажа, вышли на улицу и направились в сторону небольшого сквера. Вероника молчала. Павел поглядывал на нее мельком, стараясь не вызвать нового негатива. Ему было жалко эту хрупкую девушку со следами глубокой печали на лице, подчеркнутой покрасневшими белками глаз и шмыгающим иногда и тоже покрасневшим носом. «Ну, сволочь! – зло констатировал Павел, – Так девчонку достал. А, вроде, и придраться-то не к чему. Все – шито-крыто». Он еще какое-то время молчал, как будто сомневался. А потом, словно боясь, что его кто-то остановит, выпалил:

– Я предлагаю нашим благодетелям козу сделать.

– Думанский... у тебя с головой все в порядке? – удивленно посмотрела на него Вероника, – Какую козу? Ты это что, по поводу Ник Ника?

– Нет! – он словно оправдывался, – Ты все неправильно поняла. Мне плевать на него, хотя и это сыграло свою роль, – Павел остановился.

– Ну-ну? Я тебя слушаю, Думанский. Продолжай.

Он еще несколько секунд молчал, соображая, с чего начать.

– Сколько мы с тобой уже здесь паримся? Три года?

– Даже уже три с половиной, – поправила Вероника, – Ну и к чему ты это?

– Да к тому, – не стал дальше тянуть резину Павел, – что, может быть, нам с тобой пора уже подумать о том, чтобы создать свою фирму – свой каталог? Кухню-то всю мы с тобой знаем. Что еще надо?

Вероника грустно усмехнулась:

– Деньги нужны, Паша. День-ги, – обреченно констатировала она, – И время. Пока все это будет согласовываться и оформляться, – и после паузы, во время которой он обдумывал, как ответить ей, добавила, – А мысль твоя мне нравится. Такая и у меня проскакивала. Только вот я чувствовала, что не потяну одна. А обращаться к кому-то в нашем серпентарии, – заметила язвительно, – боялась. Не верила, что пройдет без огласки.

– Ну и? – Павел посмотрел в глаза Веронике, – Дело-то реальное. Соглашайся. Тебе сам бог велел, – он улыбнулся.

Она, почувствовав его расположение к себе, тоже улыбнулась. А потом вдруг посмотрела на него простодушно, почти по-детски.

– Вот скажешь правду – подумаю... и искренне, не сдержав своего природного кокетства, снова улыбнулась.

– Какую-такую правду? – с нарочитой, в ее тоне веселостью спросил Павел.

– Пожалел меня?

Вопрос оказался неожиданным, но Павел успел сориентироваться и перевел разговор в плоскость шутки.

– А ты как думала? Конечно, пожалел. Ходит девочка с грустными глазами.

Она внимательно посмотрела на него – шутит или нет?

– А если серьезно... – предупредил он ее реплику, уходя от неопределенности дальнейшего обсуждения, – Кому как не нам с тобой объединить усилия. Тем более что и ты об этом думала.

Так в девяносто седьмом появилась новая фирма. К двум учредителям, исполнявшим обязанности директора и зама, прибавился бухгалтер и секретарь. Плюс штат из четырех-пяти более-менее постоянных рекламных агентов и в районе пятнадцати человек, периодически меняющихся. И вот уже около трех лет фирма успешно выпускала каталоги. Дружеские отношения между Павлом и Вероникой, сложившиеся тогда вдруг и навсегда, поддерживались не показной, но достаточно ощутимой нежностью до той самой поры, пока Павел не ушел из семьи. И вот тут все изменилось. Вероника, так еще и не вышедшая замуж, настойчиво стала опекать друга. Это никак не озвучивалось. Но и так было ясно, чего она хотела. Павел же, с уважением и братской любовью относившийся к ней, начинал этим тяготиться. Ее предложение – очень уж откровенное – встретить Новый год вдвоем, не то, чтобы застало его врасплох, но как-то неприятно покорило. Назрел серьезный разговор, который не хотелось начинать в канун праздника. И Павел свернул все на традицию – он и до женитьбы, и потом – с Леной – этот праздник всегда отмечал у Ковальских.

– Да, Думанский, ты не исправим. А если Ленка там будет?

– Вероника, ну мы же все выяснили, – Павел не прятал неудовольствия, – Славик – мой друг, а не Ленкин, и мне такую свинью не подсунет. Да она и сама не пойдет, даже если пригласят.

– Ладно, Думанский. Когда разбегаемся?

– Я еще, пожалуй, часик посижу, поработаю с материалом. А ты?

– А я уже пойду, – она нарочито – это было видно – потянулась, – Провырнусь по магазинам... Хоть чем-то порадую себя любимую.

Павел понял – разговор окончен. Он был и доволен, и недоволен тем, как разрулилась ситуация. Досада на себя и на Веронику за случившееся не покидала его некоторое время даже после того, как она зашла попрощаться. Они обнялись и пожелали друг другу и фирме благополучия и процветания в наступающем году.

5.

На следующее утро проснулся Павел рано. Сработала многолетняя привычка. Сегодня будний день. «Тридцать первое, – сознание услужливо вбросило расслабляющую информацию, – Можно полежать. И даже вздремнуть». Появилось предпраздничное воодушевление, и сознание не преминуло связать эмоциональный подъем с Наташей. Воодушевление провоцировало спонтанно сменявшие друг друга чувства и мысли, выводило на сцену жизни из бездны памяти все новые и новые воспоминания, сопровождая новыми же ощущениями. Это были такие натуральные переживания в промежутке между сном и явью. Но поддерживать их оказалось непросто. Сознание то пыталось нырнуть в небытие – уснуть, то возвращалось к обычному режиму работы. И лишь в промежутках, неправдоподобно растягивавшихся, Павел оказывался в волшебной стране грез, где мысли приобретали жизненность. И настолько все, что видел и чувствовал, казалось реальным...

Заиграла мелодия будильника в телефоне. И сказочный мир, отпрянув, рухнул. Мысль, что надо вставать – собираться ехать в магазин, чтобы купить Алеше радиоуправляемое авто, вслед за приятными чувствами подняли волну негатива. «Вспомнить сына без этой чокнутой семейки – ну, никак, прости, господи», – Павел попробовал переключиться на работу. Но и тут оказалась засада. Отравленная негативом кровь подтолкнула к размышлениям о Веронике. К тому, что теперь как-то по-другому придется выстраивать отношения с ней. Вспомнился их последний разговор о Новом годе. О Славе. О Ленке. О сыне. Снова выплыл образ тещи. И Павел чертыхнулся: «Эта песня хороша, начинай сначала». Выругался. Наконец, уже невозможно стало терпеть – физиологическая потребность заявила о себе основательно.

– Все! – скомандовал, – Подъем!

Привычно быстро привел себя в порядок, оделся, налил в чайник воды и поставил на плиту. Так же быстро позавтракал и решил немного убраться в доме – в магазин игрушек ехать рановато.

Через час он замкнул дверь и пешком сбежал вниз.

Декабрь не злобствовал. Даже на рассвете градусов восемь мороза. Снега сейчас нет совсем. И влажности, такой как днем, нет. Через промежуток между домами виден почти сухой асфальт улицы. После недавнего месива на дорогах ее проезжая часть кое-где даже белеет в свете уличных фонарей разводами соли.

Улица, по которой поехал, уходила вниз и шла, судя по краю неба, с запада на восток по направлению движения автомобиля – впереди светлее. Там открывалась перспектива зарождавшегося утра. Багрянец, пробиваясь между высотками, оттенял их, делая совершенно черными. Что-то холодное и зловещее пыталось просочиться сквозь гребенку зданий в праздничную атмосферу городской суеты, рано начинавшейся в последний день старого года.

У дверей магазина – куча народа. На огромной парковке Павел чуть нашел свободное место. Пришлось покружить. Припарковавшись, посмотрел на часы. Уже – без десяти. Не хотелось выходить на мороз – в машине стало уютно. Несколько минут сидел, не глуша двигатель. Вслушивался в Стинга, наполнявшего салон своим англичанином в Нью-Йорке.

Магазин открыли чуть раньше, и народ нетерпеливо устремился вовнутрь. Закрыв машину, подтянулся к входу и Павел.

В общей сложности – на все про все – у него ушло минут тридцать. Пока нашел. Пока упаковали. Пока постоял в очереди у кассы. Укладывая игрушку в багажник, подумал: «Слава богу, подарок есть. Осталось пережить позор общения с семейкой». Вслед за этим в сердце закралась надежда, что, может, повезет, и тесть окажется дома. При нем теща всегда вела себя сдержаннее. Не то чтобы она боялась Петра Даниловича – могла пошуметь и при нем, но это бывало крайне редко. «Наверно, подспудно срабатывает извечное в человеческой психике почитание власти? – попытался рассуждать Павел. Но тут же усмехнулся, осознав всю абсурдность своих философских изысков, – Нет. Здесь что-то другое».

Петр Данилович – так сложилось в его жизни – ходил в вечных замах. После партшколы больше, чем положено, пробыл инструктором. Потом начальником отдела. За это время его друзья продвинулись довольно далеко. Двое – к тому времени уже прописались в Минске, а один – даже в Москве. Их тянули люди из второй волны, которая пошла за Громыко. Вот так Петр Данилович и получил должность второго секретаря в одном из районных комитетов партии города. И все. Ближе со своей мягкостью характера он друзьям нужен не был. Когда все стало ломаться в начале девяностых, пришлось поработать в «рогах и копытах» в разных должностях. Брели его, как правило, из-за наработанных за годы службы в партийных органах связей. В конце концов, друзья пристроили его к проходному кандидату в меры – в предвыборную команду. Опять же через связи он пришелся ко двору. Вот так и стал одним из заместителей мэра. Так и держался на должности в основном благодаря связям: к себе не звали, но здесь поддерживали.

Петр Данилович оказался дома, а Ленка и теща, как по заказу, отсутствовали.

– С наступающим, Петр Данилович.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Здравствуй, Алешенька. Посмотри, что я тебе принес.

Алеша радостно, но сдержанно отреагировавший на его появление, расслабился. Детское сознание, сконцентрировавшись на любопытной коробке, уже отмело все проблемы, навязанные социумом. Он с восторгом отдался своей детской непосредственностью, забыв все, что мешало радоваться жизни. Минут двадцать отец и сын увлеченно разбирались с машинкой, наслаждаясь единством, которое подарила Павлу не беспокоившая в это время память.

Вернулся Петр Данилович, уходящий куда-то.

– А где все? – Павел старался бодриться, как будто его на самом деле это интересовало. А впрочем, конечно, интересовало.

– По магазинам поехали, – тесть сделал паузу, – Паша... – чувствовалось, ему трудно выразить мысль. Но он преодолел себя, – Может, все-таки с нами – Новый год все же, – натянутая улыбка и неуверенность показывали, что Петр Данилович говорит, осознавая неприемлемость подобного сценария, но и не сказать об этом также не может.

Замешательство тестя напомнило, что в любую минуту могут вернуться женщины, а встречаться с ними Павлу совсем не хотелось. Его любимое «свезло» из лексикона Шарикова могло и не реализоваться, задержись он еще на несколько минут. И он стал прощаться. Прижал к себе и поцеловал Алешу. Пожал, поздравляя с наступающим, руку Петру Даниловичу на его «очень жаль». И заторопился, якобы на работу – «на пару часиков – доделать кое-что».

«Свезло, – Павел тихо торжествовал, – Хоть что-то хорошее». Банальное – все познается в сравнении – сработало в своем классическом варианте. Казнь, на которую обрекала жизнь, не состоялась. И от этого пришло простое, но весьма жизнеутверждающее понимание, что она – жизнь – не так уж и плоха. По крайней мере, сегодня. И не важно, что будет дальше. Он пообщался с сыном и поговорил с тестем, почувствовав его молчаливое понимание происшедшего. Иллюзия того, что все будет в порядке, на какое-то время освободила его от неприятных переживаний. От тех, которые владели его сознанием почти безраздельно, поддерживая негативный фон. Напоминая о своем существовании, появилась надежда. Конечно – внутренний радар, сканируя бессознательные сферы и натываясь на блоки негативной информации, продолжал формировать общий фон. Но, не смотря на это, из прошлого, подобно фантому, на какое-то время возвращалась уверенность, что решение – как и что нужно делать, чтобы снизошел душевный покой – существует.

Павел вышел из подъезда и оглянулся в надежде не увидеть «любимых женщин». Судьба благоволила ему сегодня. Сдав чуть назад, он развернулся и направился к арке, разделявшей дом пополам. И лишь выезжая на проезжую часть проспекта, встретился с красной «маздой» жены. Машины разъехались не останавливаясь. «Слава богу, – мелькнула мысль. И где-то из глубин подсознания пришел чуть слышимый язвительный шепоток, – С наступающим, мои дорогие». Стало не по себе. Слово исподтишка сделал что-то постыдное.

От неприятного ощущения освободил звонок. На экранчике телефона – «Полина Ковальская». «Что, интересно, скажет? Вроде, все вчера оговорили».

– Да, Поля.

– Привет, Паша. С наступающим тебя.

– Привет. И тебя... Есть коррективы какие-то? Только быстренько – я подъезжаю к перекрестку.

Полина позвонила, чтобы подтвердить время.

6.

Поезд шел без опоздания. За час до прибытия Наташа уже собралась и села у окна: оставалось только накинуть шаль и дубленку. Она, не отрываясь, наблюдала, как вспыхивают островки жизни исчезающих в ночи полустанков, цепляясь взглядом за яркие круги под столбами, проплывавшими за двойными стеклами. Всматривалась в гирлянды уходящих вдаль огней небольших городков, уже подпорченных вездесущей чужеродной рекламой. Огоньки возникали из зимнего небытия лесов, подступавших к несущейся стреле поезда, напоминая пирамидками разноцветных елок о скором наступлении эпохального события.

Но вот картина за окном резко поменялась. Ночь отступила под ярким городским освещением. Здесь даже небо светилось, отражая сотни тысяч, а, может, и миллионы лампочек. Везде. На столбах. В витринах. В окнах домов. В вереницах мчавшихся по городским магистралям автомобилей. В праздничной иллюминации. Поезд влетел в этот океан света так неожиданно – как будто пересек четкую границу. Наташа, на какое-то время ушедшая в себя, так и почувствовала. Подумала о сестре. О Славе, который должен ее встретить. Стала думать о Паше. Какой он? Как увидит ее? Хоть и говорит Полинка о его равнодушии к ней, но это все может оказаться иллюзией: «Вот рассмотрит меня теперешнюю, и прощай чувства». Наташа улыбнулась. Ей почему-то стало весело. Она представила его изумленное лицо. В сознании спонтанно произошла трансформация – любимый предстал в морщинках и с лысиной. «Ну не до такой же степени», – она снова улыбнулась.

Попутчики зашевелились. «Пора одеваться», – она отвернулась от окна. В проеме открытой двери стали появляться, продвигаясь к тамбуру, люди с сумками и чемоданами на колесах. Устремились к выходу и ее соседи по купе.

Наташа осталась одна. Она тоже уже была одета, но выйти опоздала – в коридоре вагона выстроилась очередь. А потому сидела и ждала.

– Товарищи... господа, дайте пройти. Что ж вы так торопитесь? Это же конечная – все успеют выйти, – слышался дежурно возмущенный голос проводницы, видимо, пытавшейся протиснуться в тамбур.

За окном ярко вспыхнул и поплыл перрон со стоящими тут и там и бежавшими куда-то людьми. Заскрипели железом тормоза, и поезд, напрягаясь всей своей огромной массой, остановился.

Еще некоторое время пассажиры стояли, переминаясь с ноги на ногу, и, наконец, пошли. Парень, оказавшийся в дверях, с которым Наташа встретилась взглядом, приветливо улыбнулся, рукой предложив ей влиться в поток выходивших.

Уже перед самой платформой она попыталась высмотреть в толпе встречающих Славу. Заметила, когда тот помахал ей рукой.

– Я здесь! – он засветился улыбкой, увидев ее, и стал протискиваться к вагону между плотно стоявшими людьми. И как раз успел. Подхватил чемодан и сумку, умудрившись при этом чмокнуть ее в щеку.

– Ну, привет. С наступающим тебя.

– И тебя, – Наташа засмеялась, оценив его жест.

Пока выбирались из толчеи и шли через подземный переход, Слава одолевал Наташу вопросами, одновременно успевая отвечать на встречные, вставляя реплики по поводу предстоящего празднования. И только одной темы ни один, ни другой не коснулись. Но она стала молчаливо присутствовать в паузах, когда вопросы поредели.

Уже у машины, укладывая в багажник чемодан, Слава не выдержал.

– Наташ... – посмотрел ей в глаза.

– ... – она вся внутренне напряглась. Опустила ресницы, прекрасно осознавая, что речь пойдет «об этом». Даже щеки загорелись, выдавая прозорливость. В образовавшейся паузе «это» уже не просило – требовало обретения формы.

– Ты ни разу не спросила о Пашке, – он улыбнулся, сглаживая ситуацию, – Тебе совсем не интересно – будет ли он с нами?

Наташа подняла ресницы. Увидела его улыбку. Улыбнулась виновато в ответ, как будто ее за чем-то застукали.

– Да ну тебя, Славик... Отстань. Ты же сам все знаешь.

Двигатель еще не успел остыть. Мороза, считай, нет. Градуса три-четыре от силы. Просто влажность большая, потому и прохладно. Слава включил обогрев салона на полную, и сразу стало тепло.

Машина тронулась.

Наташа исподволь отмечала разницу, глядя на влажный от соли асфальт улиц и проспектов, на машины в серых разводах, на черные ветви деревьев. По сравнению с той – настоящей зимой, эта больше напоминала какой-то пасмурный начала весны вечер, но никак не тридцать первое декабря. Она уже отвыкла от таких зим. Когда уезжала, мороз стоял под сорок. Все белым бело. Красота. Провода и деревья в инее. Ни ветерка, ни влажности в воздухе. Просто сказка. А здесь? Хоть и не сильный, но пронизывающий насквозь ветер. Потому что влажность чуть ли не сто процентов. А еще эта влага под ногами – от химреагентов. Из машины выходить не хочется. «Хорошо, что хоть сапоги с собой взяла».

Слава что-то мурлыкал себе под нос, не докучая больше своими светскими и совсем не светскими вопросами, видимо, конкретно отреагировав на Наташино «отстань».

– Ну, говори, что хотел, – она посмотрела на него и улыбнулась загадочно.

– Не понял... – Слава оторвался от своих мыслей. Посмотрел на нее удивленно, не сразу сообразив, чего от него хотят, – А-а, ты об этом? Да с нами, – заулыбался, – Конечно.

Это прозвучало так, как будто все недосказанное существовало само по себе, словно между ними установилась телепатическая связь. А язык – так – для разнообразия.

Они еще перебросились парой уточняющих фраз, и опять каждый ушел в себя.

Приветливые огни бульваров и проспектов. Огромные ели на площадях, светившиеся всеми цветами радуги. Вспыхивавшая и гаснувшая иллюминация в богатых из дорогого стекла витринах магазинов. Все это вызвало у Наташи восторг, сосредоточившийся в середине груди. И она забыла о ситуации, освободившей почему-то внутреннее неудобство, как будто душа перенеслась в бескомпромиссную юность. Забыла о Паше. О том, куда и зачем едет. Сидела, очарованная вечерним в преддверии праздника городом. Его новыми, взметнувшимися ввысь на бывших пустырях зеркальными зданиями, отражавшими линии деревьев в паутине синих миниатюрных лампочек с обеих сторон улицы.

Наконец, они свернули в один из широких проемов между зданиями, и не останавливаясь, а только притормозив перед шлагбаумом, взметнувшимся вверх, въехали в просторный, с огромной стоянкой двор и припарковались у одного из красиво оформленных подъездов.

– Ну, вот мы и приехали, – Слава заглушил двигатель. – Сейчас увидишь наше новое жилье.

В интонации прозвучали специфические нотки. Они как будто уточняли то, что было недосказано. Они словно говорили: «Сейчас ты увидишь, как я забочусь о твоей сестре, как ей хорошо со мной». Наташино подсознание так это и прочитало. Она поняла – надо что-то сказать хорошее ему, по-человечески теплое. Иначе этого «чего-то» будет не хватать в будущем в цепочке событий их общения. В сердце появилась нежность к этому умному и хорошему человеку, не лишенному, как и все, простой человеческой слабости, которую он, как мог, пытался скрыть, но которая проступила между строк. «Возможно, он уже и сам пожалел, об этом», – Наташа внимательно посмотрела ему в глаза.

– Слав... я так рада, что у вас все складывается. И я горжусь, что у моей сестры такой муж.

Это прозвучало искренне, без фальши, и Слава принял ее слова с благодарностью, не смотря на то, что сам напросился на похвалу.

– Да ладно тебе, Наташка, дифирамбы петь.

– Слава, ты же меня знаешь. Я либо говорю правду, либо молчу.

– О да, знаю. И ценю это в тебе больше всего.

– Ну вот, – улыбнулась Наташа, – я уже и некрасивая.

– Ну, Наташка... Ну не можешь ты без своих подковырок, – засмеялся Слава, – Что уже опять не так сказал?

– Когда женщине говорят, что ее ценят за что-то больше, чем за то, что она женщина, нужно делать выводы, – засмеялась она в ответ.

– Да-а, нельзя быть женщине такой умной. Все. Хватит меня смущать. Выходим. А то Поля там уже заждалась.

7.

Квартира у Ковальских огромная по меркам клетушек восьмидесятых, да и начала девяностых годов. Пять больших комнат, одна из которых почти сорок квадратов, с эркером, сегодня будет центром их праздничной вселенной. Как-никак событие грандиозное: смена тысячелетий. По сравнению с этим о смене веков даже и не думается всерьез. Полина постаралась на славу. И сейчас, глядя на то, как реализовал ее задумку дизайнер из «Декоррастиль», осталась довольна. Когда общалась с ним, представить себе не могла, насколько ее идею смогут трансформировать профессионалы, не убив саму идею. Она разглядывала украшения, продлевая приятное ощущение довольства собой. Центральный шар, с мелкими зеркалами и что-то еще, не схваченное мыслью, смутными ощущениями в сердце объединили прошлое и настоящее. «Что это?» – Полина подошла к большой вазе с фруктами. Машинально прикоснулась к мандарину. Словно погладила его. Усмехнулась, догадавшись о причине, очаровавшей память. И этот неповторимый аромат, и зеркальный шар, и ожидание сестры – все сегодня взывало к воспоминаниям – ярким и чувственным. В сознании возникали эпизоды, удивляя тем, как могла забыть о таком. Вспомнились куклы – с золотистыми волосами, подаренные родителями в какой-то из Новых годов. Совершенно одинаковые. Только одна оказалась в синем платье и с синим бантом. Другая – в розовом, и, соответственно, с розовым. Почему-то эта другая понравилась обеим. Появилось тепло в груди, заставив улыбнуться. Словно не своей собственной наивности, а просто наивности двух маленьких девочек, на которых смотрела со стороны.

Вернулось беспокойство: «Уже Славе пора бы и приехать... С Наташкой!» Восторг охватил все ее существо: пять лет не виделись, и вот сестра приехала.

Они со Славой предложили ей пожить у себя, пока все устроится. Наташа, в связи с уходом мужа, собиралась покидать «севера»: ну и не ехать же ей к родителям – в их маленький городок, где ни работы толковой, ни жизни. А тут еще у Павла с женой развод случился. Сопоставив факты, Полина прониклась тайным желанием. Ни о какой конкретике речь, конечно, не шла: не ей решать такие жизненные сложности. Просто видела их почему-то вместе. Может, это оттуда – из прошлой жизни, когда не было никаких сомнений: Наташа и Паша – пара...

Заиграла мелодия звонка. «Приехали, наконец-то», – Полина поспешила к двери. Даже не посмотрела в глазок, не подумала, что у мужа есть свои ключи: уверена была – это они.

За дверью оказался Павел с белыми розами и большим пакетом.

– Паша? – она не успела стереть с лица разочарование, – Заходи... А я думала это Славик с Наташкой.

Выражение лица у Павла поменялось.

– Наташа? – подсевшим от волнения голосом спросил он и кашлянул, – Приехала, значит?

– Приехала, – улыбаясь его реакции, кивнула Полина.

– Ты, вроде, и не рада мне, – Павел, только что оголивший душу, по привычке начал хохмить, словно стеснялся своего промаха.

– Паш, не перевирай. Конечно, я рада тебе. Заставляешь меня оправдываться... – она пристально посмотрела на него, словно не могла поверить в его – такое быстрое – преображение, – Славик поехал за ней на вокзал. Вот-вот должны быть. Я и подумала, что это они, когда ты позвонил. Не ожидала, что ты придешь раньше.

– Конечно... – Павел иронично улыбнулся, растягивая фразу, как будто отыгрываясь всем своим видом за предыдущую оплошность, – А, может, и я на что сгожусь? Чай, не чужой?

– Не чужой, не чужой, – восстановила Полина его статус, – Сейчас озадачу тебя по-свойски. Раздевайся, давай.

Павел снял куртку и стал искать, куда повесить – будто впервые был у Ковальских. Мысли крутились вокруг приезда Наташи. «Какая она теперь? – почему-то вспомнилась Ирина Сергеевна, – Поправилась – стала как мать – или нет? Да, нет, не может быть. Полина на какие-то три года моложе – не располнела же... – он вдруг осекся, – Ну и логика у меня». Почувствовал неудобство от своих размышлений. «Да и какая разница? – чертыхнулся, – Полная? Худая? Тебе-то какое дело?»

– Паша, иди сюда, – деловитый тон Полины из кухни напомнил, что его собирались озадачить.

Войдя, он увидел у плиты незнакомую женщину средних лет и рядом девушку.

– Вот, знакомься, Паша. Это – Анна Семеновна, а это – Света – твой временный руководитель, – Полина засмеялась и нарочито серьезно добавила, – Все распоряжения выполнять неукоснительно и, главное, быстро. Анна Семеновна и Света через полчаса уходят, – на его вопросительный взгляд ответила, махнув рукой – потом.

В принципе Павел и сам догадался, что это наемные люди. И, скорее всего, повар и дизайнер. Конечно, где же Полине одной справиться. Да и гости будут – ну, не то, чтобы чужие, но и не свои. А Славик не любил падать в грязь лицом. И средств у него на это хватало.

Когда нес на стол очередное блюдо, из прихожей раздались радостные голоса. Судя по тому, что не было звонка – «они». Сердце замерло: «Славка, видимо, своим ключом открыл». Захотелось подойти. Но возникшее ощущение, спровоцированное кровью, отравленной адреналином, остановило. Как будто порог не смог перешагнуть.словно преграда встала на пути той юношеской непосредственности, которая вдруг выплеснулась из него, но которой оказалось так мало, чтобы преодолеть сомнение – а как это все сегодня будет выглядеть? Павел вдруг почувствовал багаж и лет, и семьи за спиной. Мгновенно вспомнил, как распрощались с

Наташей. Да и кто он теперь? Разве тот самый юноша, чей радостный щенячий восторг сейчас испытал?

«Абсурдная ситуация, Павел Петрович, – пришла досада на себя из-за минутной слабости, – Ищешь оправдания... Значит, струсил. Позорно струсил, стоило услышать ее голос». Показалось – вернулось то состояние души, когда он, юный и растерянный, не знал, что делать и как вести себя с объектом обожания. «Да ну – не может быть, – возмутилось сознание, – столько времени прошло».

8.

Хотя они и одногодки, Наташа все же на полгода старше. И родилась она до сентября. А Паша – в декабре. И потому Наташа в десятом, а он – еще в девятом классе.

Сначала он просто обратил на нее внимание – она понравилась ему очень. А потом влюбился.

Его «9б» напротив ее «10а». На перемене Паша старался выйти поскорей, чтобы увидеть, как из противоположного кабинета выходит Наташа. Он с замиранием сердца смотрел на ее лицо, если она не обращала на него внимания. И сразу отворачивался или опускал глаза, когда их глаза встречались. А если кабинет литературы был занят другими, он шел искать ее. Не мог пропустить ни одну перемену, чтобы не взглянуть на свою любимую.

Он никому не говорил об этом. Да и как можно? Это же тайна. Казалось – если кто-то узнает о его любви, она может разрушиться, стать чем-то обыденным, потеряться в словах. Совсем другое дело, когда мальчишки просто гуляли с девчонками. Это нормально. К тому же – достойно уважения. Когда такой-то и такая-то где-то засвечивались, негласный рейтинг парня повышался. Это как бы игра во взрослость. Есть у тебя девушка – значит, ты уже на ступеньку выше. Ты уже не сосунок там какой-то. Ты – мужчина. Вселенские законы никто, конечно, не отменял. Статус статусом, но без притяжения природного нужен ли он был бы вообще. У Паши – все по-другому. Здесь не просто притяжение полов, а большое и светлое чувство, о котором он так много читал. Не так, как раньше – с другими девчонками, когда, находясь рядом, просто хотелось проникнуть в святая святых их юных тел, обещавших непонятные, но такие притягательные чудеса.

В конце мая на летней танцплощадке Паша, наконец, решился – пригласил Наташу на медленный танец. Соло-гитара выплакивала битловское «Yesterday». Танцевали молча. Ему казалось, что, если он заговорит, вся прелесть улетучится. А ей на смену придет его косноязычие. А что оно придет, не было никаких сомнений. Слишком хорошо знал себя. Когда появлялось волнение, исчезали слова. Он их просто забывал. Начинал мямлить, и от этого становился смешным. Этого и боялся. Но говорить сегодня было необходимо, потому что именно сегодня он должен проводить любимую домой. Не должен – обязан. И никаких отговорок.

– Наташа... – он боялся, как бы голос не выдал волнения, не подвел, сорвавшись на фальцет. Но в голосе – в его тембре зазвучал мужчина. И Паша почувствовал – сможет, – Позволь я провожу тебя после танцев?

Она подняла голову, посмотрела на него и улыбнулась.

– Позволяю, – усмехнулась.

И Паша почувствовал, что смеются не над ним. В ответе не было ни высокомерия, ни пренебрежения, когда сказала «позволяю». Скорее, шутливое удовольствие. «А я, дурак, боялся», – с невероятным облегчением вздохнул он.

– А меня Пашкой зовут, – сказал как-то даже залихватски.

– А я знаю, – подхватила она его тон, как бы передразнивая. И они, теперь уже оба, рассмеялись.

Когда закончилась музыка, Паша отвел ее туда, «где брал» и где уже стояли ее подруги. Посмотрел на часы: до конца – около сорока минут. Можно еще раз пригласить Наташу. А, может, и не один. Знал, что вряд ли притронется к ней наедине. И потому воспользоваться этой возможностью здесь было очень даже резонно.

Следующий танец – шейк – танцевали своей группой. А следующий – он прозевал. Какой-то парень постарше, которого Паша ни разу до этого не видел, «увел» его Наташу в круг. Потом снова махали руками. И только после этого удалось пригласить любимую. Он заранее, сразу после шейка, пошел в ее направлении. И хорошо сделал: краем глаза увидел, как опоздавший – тот же парень – развернулся и пригласил другую девушку. Вроде бы он шел к ней, а не к Наташе. Паша мысленно показал ему фигу: «Вот тебе». От удовольствия, что получилось опередить конкурента, на душе стало невероятно хорошо.

– А что это за парень с тобой танцевал? – после некоторого молчания не удержался он, – Ты его знаешь?

– Ух, ты! А это что – ревность? – лукаво вопросом на вопрос ответила Наташа.

У него перехватило дыхание. Почувствовал, как загорелись уши и щеки.

– Да нет же... Просто спросил... Просто я его раньше ни разу не видел.

– Знаешь, Пашечка, так и я его впервые вижу, – в ее голосе проскочили покровительственные нотки.

И Пашечка вконец стушеввался. Он бессовестно промолчал, оставив ситуацию без дальнейшего развития. Но это только вовне. Внутри же он себя уже обругал последними словами, где самое мягкое было, наверное, «идиот». Наконец, после непростительной, как ему показалось, паузы он вновь обрел голос.

– Наташа, если я тебя обидел, прости, пожалуйста.

– Да не обидел ты меня ничем, Паша. Я просто не предполагала, что ты такой серьезный и не поймешь, что я шучу... Я пошутила, – надавила она как-то особенно на последнее слово и посмотрела на него внимательно. И он не отвел по обыкновению взгляд. И душу обожгло прикосновением чего-то такого, что невозможно увидеть, нельзя понять или почувствовать. Да и слов-то, наверное, нет таких, чтобы описать, что произошло. Он вдруг осознал, что не любил Наташу до сих пор. Что только с этого момента началось это настоящее всепоглощающее нечто,

которое называют любовью. Сердце на мгновение замерло. Но это мгновение показалось чуть ли не равным всей его жизни – таким емким и всепоглощающим оно было.

– Наташа, – прошептал он восхищенно, не думая в этот момент – как выглядит в ее глазах – смешно ли, глупо ли. Великое открытие, подаренное божественной Вселенной, не было и не могло быть поражением, потому что шло не от него. Это высшие силы распорядились его сознанием и не давали времени на раздумья, имевшие слишком расточительную цену для короткой человеческой жизни. Паша этого, конечно, не знал, но опыт предков предопределил его неопытность. Свершилось одно из чудес. Мужчина шел к обладанию женщиной через ошеломляющий интерес, прежде всего, к ее душе, а не к ее телу. И Наташа почувствовала это, испытал благодарность к восторженному подростку. По физиологическому развитию она уже была сформировавшейся женщиной, чью более раннюю природу, более быстрое созревание определила природа выживания живых организмов. Он же еще по-настоящему не был мужчиной. И это проявлялось во всем великолепии его наивности. Его поглупевшего от влюбленности и соприкосновения с ней сознания, что делало его ребенком рядом с ней. Она так чувствовала. И это, наряду с благодарностью и нежностью за его возвышенную восторженную любовь, вызывало чувство досады. Хотелось ощутить крепкое плечо, на которое можно опереться, почувствовать мужчину – фундамент будущего дома. Но видела перед собой только мальчика – восторженного и напуганного первыми серьезными чувствами. Она, как могла, пыталась не смутить его, оградить его неустойчивую психику от собственной язвительности, которая поднималась откуда-то из глубин бессознательности. И пусть делала все это спонтанно, полагаясь на спящий в ней, тысячелетиями формировавшийся материнский инстинкт. Пусть не понимала еще по-настоящему своих действий. Но все же вела себя так, как подсказывала совесть, а не стервозность, вдруг ставшая пробуждаться в ней из-за наготы его души.

Танцы закончились, и они пошли темными улочками, кое-где освещенными редкими фонарями. Теплая майская ночь окутывала их тела густыми запахами проснувшейся земли. Еще не распустившейся до конца листвы. Первых цветов в палисадниках. Они чаще молчали, лишь иногда перебрасываясь короткими фразами. Паша испытывал блаженство. Никак не мог насладиться близостью с любимой. Наташа же – непреодолимую тоску от несоответствия того, о чем мечтала, и того, что было на самом деле.

На следующее свидание, которое было как-то совсем нечетко оговорено, она не пришла. Пашина одноклассница сообщила ему по секрету, что Наташе с ним было не интересно. И горделивый юношеский максимализм не позволил больше набиваться на свидание с избранницей. Судьба предлагала лишь одно – страдать в одиночестве, не показывая вида. И Паша решил, что такова его участь – прожить всю жизнь в неразделенной любви. А что это на всю жизнь, у него не было никаких сомнений.

9.

Сколько лет прошло, но стоило только прозвучать голосу Наташи, как фонтан чувств его души, взметнувшись ввысь, вспыхнул радугой, пронзенный ярчайшим светом ее присутствия. В нем смешалось все. Знойная истома горячего лета и освежающая влага водного потока. Раскаленные пески Сахары и пустынные снега Антарктиды. Павел ждал ее выхода, как его предок – язычник – ждал когда-то восхода солнца, чтобы поклониться ему – выказать свой восторг его божественному великолепию. «Неужели такое еще может быть? После стольких лет...» – подумал. И эта мысль почему-то сразу отрезвила. Заблуждение чувств, отбросившее его только что в прошлое, сошло на нет, передав сознанию лишь маленькую частичку себя – несуетливое

ощущение надежды. Прекрасное и великодушное, в котором уже не было места безудержности юношеского «хочу».

Наташа в сопровождении Полины вошла в комнату. Свитер, джинсы, тапочки. И никакого сияния, никакого нимба. Никакой претензии на божественность. И все же сияние было – улыбка, которую она дарила ему.

– Привет, Паша, – она подошла и поцеловала его в щеку.

И он ответил. Почувствовал ее близость – волнуящее кровь соприкосновение полярных энергий.

– Здравствуй... Наташа.

В ее глазах, затянутых легкой паволокой чувственности, увидел, если не любовь, то, по меньшей мере, глубокую симпатию. «Сейчас она любит все и вся, – догадался Павел, – Любит свои воспоминания, свое прошлое».

– Выглядишь великолепно, – он шутливо окинул ее взглядом, – Не хочу говорить банальные вещи, но север своими холодами и впрямь консервирует. Ты этому прямое подтверждение.

– Паш, ты как всегда, витиеват, – она широко улыбнулась, довольная комплиментом или тем, как он на нее смотрел, – Ну, скажи просто, что я красивая.

– Ты – кра-си-ва-я, – Павел изобразил угловатые движения робота.

Наташа рассмеялась.

– Великолепно, Пашечка. Ты не стареешь, – она взяла его руку в свою, – Ну как ты?

Павел уловил в ее вопросе тончайшие нотки жалости. И судя по взгляду, вырвались они из ее души бесконтрольно, о чем она, заметив, пожалела.

– Небось, Славик тебе уже все расписал обо мне?

– Ну не расписал... но ответил на мои вопросы, – Наташа сказала это лукаво, удержав руку, которую он хотел машинально высвободить, – Паша, когда все перемелется, сам знаешь, что будет.

Подошла Полина.

– Наташ, я тебе все приготовила. Все в ванной. Давай в темпе – скоро уже гости начнут собираться.

– Спасибо, Полюшка. Иду... Потом договорим, Паша, – она отпустила его руку, – Мне будет очень интересно услышать все, что ты расскажешь о себе.

Павел вдруг почувствовал, что с ним твориться что-то странное. В самом низу горла – между ключицами неприятно запершило, напомнив о давно забытой обиде. Контрольное

слово, произнесенное Наташей, вытасило из памяти образ одноклассницы, насмешливо сообщавшей, что «ей с тобой не интересно».

10.

Юношеский максимализм воспринял отказ, с одной стороны, как смертельную обиду, а с другой – повысил статус объекта обожания. Отсутствие жизненного опыта доводило ситуацию до абсурда, рисуя мучения неразделенной любви до конца дней и сцены раскаяния Наташи у его смертного одра по истечении жизни. Паша мысленно разговаривал с любимой, доказывая, что она не права, что он интересный человек – просто ей не удалось этого увидеть. Но условие, которое подбросила судьба в лице Наташи, уже сработало, определив его жизненный путь на долгие годы вперед. В Пашином сознании выстроилась логическая цепочка. Оказалось, чтобы понравиться, надо быть интересным. А, чтобы быть интересным, нужно многое знать и уметь. А это подразумевает – учиться. Учиться, чтобы быть интересным. И Паша, что понимал тогда под этим, то и начал интенсивно постигать. Стал много читать по вечерам. Освоил, благодаря другу, пару десятков гитарных аккордов, чтобы можно было петь дворовые песни. Записался в секцию бокса. Захотелось схватить все сразу, чтобы вызвать интерес к себе. Жизнь поставила перед ним задачу, которую спровоцировал самый мощный стимул на земле – любимая женщина.

Правда, успеваемость стала сдавать свои позиции. Но поступление в ВУЗ в обозрение Пашиных интересов еще не попало. Была мечта – уехать куда-нибудь с геологической партией. Кем угодно, но уехать. Юность рисовала неимоверные испытания, из которых Павел Думанский – бородатый мужчина, в свитере «а ля Хемингуэй» всегда выходил победителем. И о его победах каким-то образом тотчас же узнавала Наташа. Она восторгалась ими, и желала встретиться с Павлом Петровичем. Но его дела никак не позволяли этому случиться. От неисполнимости желания Наташа мучилась, описывая свои страдания в письмах. Он же всегда отвечал ей сдержанно, по-мужски, предлагая еще немного потерпеть, пока он найдет для страны еще одну кимберлитовую трубку.

Летом, первые месяцы после своего фиаско, Паша часто бродил по берегу реки недалеко от дома любимой, тайно надеясь на случайную встречу, ведь случайные встречи ни к чему не обязывают. Подумаешь: ну, шел, ну, случайно встретились – привет, привет. «Ну как тебе, Наташенька, живется без меня?» «Плохо, Пашенька, извелась я совсем. Я – такая дура, но только теперь это начала понимать».

Когда он забывался, и его так далеко заносило, он плевался, удивляясь разошедшейся фантазии – как такое в голову взбрело, и поносил себя разными при этом словами.

Ближе к осени его переживания больше стали носить оттенок философских рассуждений – сказала появившаяся любовь к чтению и склонность к творческому осмыслению всего того, с чем соприкасался внутренний мир. Его поражали непререкаемые величины космоса, за которыми он чуть ли не каждый вечер наблюдал, лежа на носу какой-нибудь «казанки» на берегу реки. Нравилось ложиться и улетать мыслью в эти незыблемые просторы Вселенной, где жизнь его и его страдания оказывались ничем. Эти две полярности – величие и ничтожность страданий, интегрируясь, приводили к такому покою в душе, что Паша первый раз, когда это случилось, даже подумал, что любви больше нет. Но это была лишь короткая передышка.

Осенью он уже довольно сносно для улицы играл на гитаре. А его тембр голоса и талант импровизировать давали в итоге неплохое исполнение. Постоянные занятия боксом заметно изменили фигуру и манеру общения с окружающими. Появилась уверенность в себе, и, конечно же, немало поклонниц.

Страдания, сотворенные обидой и позором отказа, начинали притупляться, трансформируясь в светлое чувство притяжения. Он продолжал мечтать о Наташе, как и прежде не докучая ей собой. Мысль о случайной встрече не покидала. Но уже как реальность, а не как детское – «вот умру – поплачете тогда».

Уже в сентябре, в последние еще по-летнему теплые дни почти каждый вечер парни и девушки собирались на дебаркадере. Под крышей железной плавучей пристани для «ракет» – теплоходов на подводных крыльях – было темно, была хорошая акустика, и потому гитара и голос звучали лучше, чем где-либо. Звуковые вибрации, отражаясь от металлических стен создавали эффект пустой комнаты. К тому же почти полная темнота позволяла полностью раскрепоститься.

Дворовая песня, где припевом шел рефрен «некрасивая, несчастливая» пользовалась у местных девчонок особым вниманием. И сегодняшнее исполнение этого уличного шедевра исключением не явилось – вызвало восторги, потому что Паша всегда выкладывался по полной, внося в песню всю горечь своей неразделенной любви.

После небольшой паузы, завершившей выступление, девчонки наперебой стали просить исполнить каждая свое.

– Все! – Паша протянул инструмент парню, который сидел на перилах – напротив, – Следующий!

Раздались недовольные возгласы. Коля, его одноклассник и товарищ по секции бокса, склонился к уху:

– Наташка твоя здесь. Почти всю песню слышала. С Полинкой пришла.

Кровь прилила к щекам и ушам. Паша даже ощутил покалывание в них: «Слава богу, что не знал, – обрадовался, – Не буду петь, пока не уйдет».

Свершиться его утверждению, может быть, и было суждено. Но не в этом месте и не в это время. Две девушки в светлых, а потому заметных в полутьме дебаркадера платьях уже отобрали гитару у парня, воспользовавшегося паузой и брэнчавшего что-то, подвывая, и совали Паше.

– Паш, давай еще что-нибудь...

– Давай что-нибудь из старых.

С минуту он отнекивался. Но девушки настаивали. К ним присоединились и другие. И дальше сопротивляться становилось неудобно. Либо нужно было делать, что просили, либо собираться под каким-то предлогом и уходить. А уходить не хотелось: хоть и не видел Наташу, но она была здесь – рядом. Он словно осязал ее всем своим существом.

– Паш, а давай «Пропажу», – сказал кто-то из девушек, – Пропажу... Пропажу, – раздались наполненные проникновенными чувствами голоса.

– Ну, ладно. Ладно, девчонки. Будет вам «Пропажа», – он словно извинялся – за то, что заставил себя просить, потому что в присутствии Наташи песня для него самого обретала такую актуальность, что исполнить ее перед любимой – подарок судьбы. Песня о двух влюбленных, потерявших друг друга, так соответствовала его переживаниям, что просто в яблочко. И он запел, возрождая в простоватых, с поучительным смыслом строках нехитрую жизнь: через собственную боль, через уживавшиеся, благодаря юношескому максимализму, отчаяние и надежду – через все то, что уже успел выстрадать и понять. Ему не нужно было призывать эмоции – они и так зашкаливали. Не он – они играли им: его, с еле заметным надрывом, голосом – инструментом обласканной любовью души. А когда в тексте вслед за кульминационным моментом пошла развязка, он уже напрямую обращался к Наташе, пророча ей – без него – страдания.

И когда-нибудь ты, совершенно одна,
В чьем-то старом, чисто убранном доме,
Подойдешь к телефону – смертельно бледна,
Наберешь затерявшийся в памяти номер...

Все тот же столь знакомый, но столь незаметный для неискушенного юного ума принцип «вот умру – поплачете» работал неизменно. Бесхитростные слова песни находили живой отклик в душах слушателей, а больше – слушательниц, заставляя их сопереживать герою, чьим воплощением оказывался Паша.

И ответит тебе чей-то голос чужой:
«Он уехал с другой – нету адреса даже».
И заплачешь тогда ты: «Друг единственный мой!
Где тебя отыскать, дорогая пропажа?»

Гитарный перебор и исполненный страсти голос, отражаясь от металлических стен дебаркадера, чуть вибрировали в объемной пустоте. И даже парни, которые обычно оказывались глухими к песенному творчеству, и приходили на посиделки «потискаться» с девчонками, и те сидели, как мыши. Видимо, и они сопереживали Пашиной неразделенной любви.

Годы быстро летят, как в степи поезда.
Дни за днями плывут – друг на друга похожи.
Без любви можно тоже прожить иногда,
Если сердце молчит и тоска не тревожит.

Паша еще раз повторил последние две строчки и умолк, вслушиваясь в исчезающий постепенно звук еще продолжавших резонировать железных стен, потолка и пола плавучей пристани. Наконец, тишина вытеснила последние звуки. Так продолжалось секунд пятнадцать – может, двадцать. Стали слышны тихие всплески воды о бока дебаркадера и далеко-далеко – шумы проезжавших по мосту автомобилей. Потом послышался звук заканчивавшегося поцелуя. Раздались смешки и комментарии, и снова пристань загудела голосами, повторенными металлом. Снова стало весело и шумно.

Потом пришел Сашка Колчанов – тоже с гитарой. Инструменты подстроили под аккомпанемент возни – всяких реплик, смеха и девчачьих взвизгов. И еще часа полтора, а то и два, Паша с Колчаном «лобали». То вместе. То отдельно. Но Сашку девчонки просьбами не донимали. Он сам себя мучил.

Когда уже начали расходиться, из внутренней темноты дебаркадера вышли Полина с Наташей. Вкрадчивый лунный свет, струившийся сквозь дымку высоких перистых облаков, оттенил две прелестные фигурки, заставил сильнее биться сердце.

– Спасибо, Паша, – тихий грудной голос напомнил прошлое, – Не знала, что ты так здорово управляешься с гитарой. Но главное – поешь... За душу берет.

В голосе Наташи он уловил искренность с оттенком восторга, и был рад, что здесь мало света – почувствовал, что опять краснеет.

– Да так – ничего особенного.

– Да ладно, Пашка! – вклинилась в разговор Полина, – Хорош цену себе набивать.

– Нет, правда, хорошо, Паша, – подтвердила еще раз Наташа.

Так приятно было услышать голос любимой, обратившей на него внимание. Захотелось проводить ее, поговорить с ней. «И повод, вроде, не хилый». Но в последний момент подсознание вытасило из прошлого неоспоримый аргумент, и Паша не смог наступить на грабли второй раз.

11.

К половине одиннадцатого уже почти все собрались. Ждали только одну пару. Кого-то из Славкиных деловых друзей. Из своих, не считая хозяев, оказались только он да Наташа. «Ну и слава богу». Наемные уже давно ушли. Стол накрыт. Мужчины перебрались на балкон – курить. Оттуда периодически раздавался смех. Судя по всему, там правил бал его величество анекдот. Женщины, не считая хозяйки дома, по телефону поздравлявшей кого-то, да Наташи, еще не выходявшей из своей комнаты, сидели на диванах и в креслах в другом углу, комнаты о чем-то негромко разговаривая. Павел, не примкнувший ни к одной группе, разглядывал детали на фарфоровых фигурках в стеклянном столбике – гордости Полины. И думал одновременно о Наташе. Ждал, когда выйдет. Вслушивался, пытаясь уловить звук открывающейся из ее комнаты двери. Но, видимо, отвлекся – задумался. Почувствовал, как кто-то взял его под руку. Оглянулся. И не смог скрыть восторга.

Наташа сделала шаг назад.

– Ну как я? Впечатляет?

Она не могла иначе. Была довольна, прочитав его восторженное состояние. И, как всегда, подтрунивала. Чуть-чуть. Самую малость. Тем самым выбивая когда-то из колеи в далекой юности. Но не сейчас.

– Вы просто обворожительны, мадам, – Павел постарался – показательно изобразил галантность. Он резко кивнул, уткнув подбородок в галстук, и взял Наташину руку для поцелуя, чуть склонившись в полупоклоне.

Она сдержанно засмеялась.

– Думанский, ты когда уже повзрослеешь?

Павел сделал удивленный взгляд, приподняв плечи.

– Мужчине подобает пропускать даму вперед. Только после вас, мадам.

– Ну, хватит, Паша. Утомил, – Наташа улыбалась, – Расскажи лучше – как поживаешь.

– Нет, Наташа, так не честно. Ты уже хоть что-то обо мне знаешь от Славика с Полиной. А я о тебе? Мне они ничего не говорят. И, думаю, что без тебя здесь точно не обошлось. Так что – начинай ты.

Наташа еще продолжала улыбаться, но улыбка ее изменилась – не было в ней прежнего налета шарма, она как бы потускнела.

– Нет, ты, Думанский.

– Не-ет, женщина, не перечь мужчине.

– Да ну тебя, Паша, так совсем не интересно, – она будто обиделась, даже губки надула, изображая нарочито неудовольствие.

Раздался стук створки о створку двойной балконной двери. Наверное, уже пришло время садиться за стол.

Последним вышел хозяин.

– А не пора ли нам уже начинать? – вопрос прозвучал риторически. Но, скорее всего, адресован был Полине, примкнувшей к женскому обществу, – Полиночка, – уточнил Слава, – командуй, а то мы так и старый год не успеем проводить... – он посмотрел на часы, – Ого! Конечно.

Послышались одобрительные возгласы, и народ засуетился, рассаживаясь по местам, которые предлагала Полина. Павла, конечно же, усадили рядом с Наташей, при этом еще и пригрозили, что, «не дай бог, сестричка в чем-нибудь будет нуждаться».

Приятная суэта, пришедшая на смену неудобству ожидания, прервалась постукиванием ножа о бокал.

– Ну что, у всех налито? – Слава поднялся, сделав паузу, пока гости не успокоились.

Говорил он недолго, учитывая общее настроение – быстрее приступить к трапезе. Гост был не длинным – «король умер». Он был хорош, но следующий должен, учтя все ошибки

прошлого, стать лучшим. Смена не только веков, но и тысячелетий – очень символическая веха в истории человечества, и это ко многому обязывает тех, кому повезло жить на этом рубеже.

Павел на самом деле ощутил торжественность момента, который оказался настолько коротким, что он тут же о нем забыл. Потому что пришлось тянуться рюмкой к рюмкам и бокалам тех, кто тянулся к нему. Потом пить и закусывать. А еще надо было ухаживать за Наташей, хотя, наверное, ухаживала больше она за ним. Они перебрасывались ничего не значащими фразами, реагировали на просьбы что-то передать. Потом был еще один тост за старый год. Потом, наконец, включили телевизор, чтобы по привычке послушать поздравление из Москвы, но главное – ощутить мгновение перехода в Новый год, в Новый век, в Новое тысячелетие...

То, что произошло, абсолютным шоком, конечно, не стало: смены власти ждали. Правда, не так скоро. Но все же новость шокировала. Борис Ельцин просил у россиян прощения и досрочно уходил в отставку: его обязанности теперь будет исполнять до выборов премьер министр.

Голоса за столом утихли. Стало приходиться осознавать, что символический переход в новое тысячелетие, теперь становится реальным переходом в новую эпоху. И не только для России. Для всего мирового сообщества. Меняется лидер одной из супердержав на земле, где смена руководства обещает не просто перемены. Эти перемены – тайна за семью печатями.

Однако замешательство за столом оказалось недолгим – сообщение вписалось в ожидаемое состояние прихода чего-то нового. И через несколько минут все вернулось в свою колею, лишь, может быть, с легким налетом чувства, что получено чуть больше, чем предполагалось, и что завтра что-то начнет меняться.

Уже открыто шампанское. Налиты бокалы. Уже куранты начали «обратный» отсчет. Вот она – торжественность момента. Все замерли, чтобы через несколько секунд взорваться возгласами и поздравлениями. И в этот момент Павел физически ощутил безразмерность времени. Почувствовал свою связь с людьми, жившими до него, живущими сейчас и теми, что еще придут. Почувствовал связь с отцом, где-то сейчас сидящим перед телевизором. С сыном, который, скорее всего, уже уложен спать Леной. Представил тех, кто встречал второе тысячелетие, и тех, кому суждено встретить четвертое. За столь короткий временной промежуток душа пережила эпохи, сжавшись до мгновений, не потеряв при этом своего величия. Он украдкой взглянул на Наташу. «Вот оно: у Бога тысяча лет – как один день, и один день – как тысяча лет. И лишь любовь безотносительна и безвременна. Она как тайна неуловимой истины. Переходя из поколения в поколение, она вершит чудеса, где рождение и смерть – лишь утро и вечер в бесконечной череде градаций жизненности».

Наташа, уловив его присутствие в себе, повернулась. Ее глаза, с еле заметной паволокой, выражали нежность и какую-то неведомую ему печаль, схваченную независимо от его желания сознанием. И даже не сознанием, скорей всего, а его глубинной сутью – той, что в мгновение ока все расставляет по своим местам, как бы ты ни хитрил и какую бы маску не надевал.

Павел кивнул ей, приподнимая бокал. И так захотелось обнять ее. Почувствовать губами ее губы, что в какое-то мгновение ощутил фантом этого желания. Показалось, что и Наташа – тоже этого хочет.

Последний удар курантов потонул в криках «ура», в возгласах «с Новым годом», в звоне бокалов. Каждый хотел чокнуться с каждым, как будто, если этого не сделать, то что-то будет не так. Или просто иначе нельзя. Потому что эйфория, охватившая сейчас в едином порыве огромную массу людей в их часовом поясе, ввела этот крохотный с точки зрения Вселенной островок жизни в тот всеобъемлющий транс, имя которому – любовь. Все живое было влюблено друг в друга. И пусть это длилось лишь мгновение, но великолепие этого мгновения запомнится его участникам до конца их дней.

– Наташенька, с Новым годом тебя.

– И тебя, Пашенька.

Он одной рукой обнял ее и осторожно губами прикоснулся к ее щеке. Она ответила тем же.

Чокнулись.

– Паша, – в порыве самоотрекающейся нежности заговорила она, – дай бог, чтобы у тебя все было хорошо... чтобы у тебя наладилось в семье... у тебя же сын. Пусть все образуется.

Это пожелание в одно мгновение привело Павла в чувства – сдернуло с небес, на которые он только что взлетел, и брякнуло о грешную землю.

– И тебе, Наташа, всего самого хорошего – тебе и твоему мужу, – знал, что детей у нее быть не может, и поэтому сказал «тебе и твоему мужу», а не «твоей семье» – интуитивно, чтобы не напоминать лишний раз об этом.

Осторожно начиная отдельными салютами, город, наконец, взорвался канонадой пиротехники и криками «ура», растянувшимися, постепенно ослабевая, до самого утра.

Гуляли всю ночь. Ближе к пяти стали закругляться, стоило только одной из пар начать вызывать такси. Дозвониться было сложно, и дамы забеспокоились: видимо, алкоголь обострил инстинкт выживания.

Полина предложила звонить с нескольких телефонов в разные агентства и заказывать сразу шесть машин. Ну, или как получится.

– А мне? – возмутился, недоумевая, Павел, – Почему шесть? – решил, что про него забыли. Но если всем пора, то чем же он хуже других. Ему тоже нужна машина. А он уже по пальцам посчитал – машин нужно семь.

– Ты остаешься, – безапелляционно заявила Полина.

Его нетрезвое «мне надо домой» ее не остановило.

– Тебя ждет там кто-то? – спросила и сама же ответила, – Нет. Не ждет. Ну и куда тебе надо?

– Ладно, – Павел, как бы отталкивая от себя Полину, махнул рукой, – Значит, посидим еще, поболтаем в узком кругу, – в конце концов, уходить ему совсем даже и не хотелось – просто попал под общее настроение. И спать не хотелось. Коньячок поддерживал пока энергию на уровне бодрствования.

Слава с Полиной вернулись из прихожей, проводив последних гостей.

– Славик, а ты что – солидарен с женой? Предал друга. Не защитил от насилия.

– Паш, ну хорош кочевряжиться. Пошли – по соточке, – Слава посмотрел по сторонам, – А где Наташка? Ната-аш, ты где?

Она вышла из кухни.

– Я здесь.

– Во-от ты где прячешься... пошли еще по соточке, – он взял под руки Наташу и затем Полину, – Пошли, девочки. Посидим. Поговорим. Наконец-то, можно по-настоящему расслабиться... Пашка! – Слава развернул женщин и уронил себя и их на диван, – На-ли-вай. Дамам вина, а нам с тобой – покрепче.

Проболтали, прикладываясь понемногу, часов до семи. Ностальгировали. Веселились. Даже потанцевали. Пока Полина, наконец, не сказала:

– Все. С меня хватит. Я устала. Да и Наташка уже, вижу, сама не своя. Мы пойдем спать, – она посмотрела на сестру, ожидая подтверждения.

– Да. Пожалуй, ты права – пора и честь знать.

– А вы как хотите, – бросила Полина, уходя. И добавила, обернувшись, – Паша, я тебе постелила в маленькой комнате.

– Спасибо, Полиночка... Благодарен безмерно, – Павел сделал полупоклон – он уже был в тонусе. Но все же со Славой еще одну рюмочку выпил – не смог отказать другу. В конце концов, появившееся чувство пресыщения праздником заставило принять правильное решение – пойти спать.

– Слав, – он пьяно прищурился, – пойдем и мы баиньки... Что-то я сломался совсем... Ног не чую.

– Согласен, братан, – Слава поднялся с дивана, – Давай обнимемся.

Он похлопал Павла по спине обеими руками.

– Так хочу, чтобы у вас все сладилось... с Натахой... Я имею в виду – мы хотим... с Полькой.

– Я тоже хочу, Слав... Но... – он отстранился, поднял вверх указательный палец, сделав при этом многозначительную паузу, – Как говорят французы, ищите женщину... – развел руки, – Я ничего не решаю.

– Дурак ты, Пашка, – Слава посмотрел на него с сожалением, – Ладно, пошли спать – утро вечера мудренее.

На этом проводы второго и встреча третьего тысячелетия завершились. Лишь озарение от прикосновения к чему-то великому, которое испытал Павел во время боя курантов, хоть и потускнело, все еще не померкло в его душе, ослепленной вспышкой истины. Той истины, имя которой вечность. «И которую, как ни старайся, – подумал, – не уложишь в прокрустово ложе мгновения. Даже если это мгновение – вся твоя жизнь».

12.

Усталость, которая, казалось, готова была свалить с ног, растворилась вместе с желанием уснуть, стоило только встать под прохладный душ. Наташа стояла под тугими струями. И каждой клеточкой кожи, соприкасавшейся с их давлением, ощущала живительную силу воды. Мысли, уже было начинавшие путаться в голове, стали выстраиваться в подобие логической цепочки. Она даже подумала об этом, и тут же усмехнулась своим рассуждениям. «Ну, ни смешно? Ну, какая, к черту, логика? Одержимость – не иначе... Он же здесь, рядом. Протяни только руку. Теплый, живой... Любимый». Поймала себя на мысли, что готова прямо сейчас пойти в эту маленькую комнатку, где он, наверное, уже заснул, юркнуть под одеяло. И целовать, целовать. Лицо. Руки. Губы. «Фу, ты... Наваждение». Пришло понимание, что вряд ли на это решится. Но как ведь хочется. «Плунуть бы на все... И пойти». Она тщательно вытерлась. Накинула выделенный Полиной халат. Запахнулась, не завязывая пояса. И вышла из ванной.

Дверь в маленькую комнату оказалась чуть приоткрытой. И Наташа остановилась. Замерла напряженно. Прислушалась. Где-то вдалеке все еще салютовали. Но в квартире относительно тихо. На цыпочках подошла к самому проему. Затаила дыхание. Ровное, хорошо слышимое посапывание выдавало спящего человека. «Спокойной ночи, любимый», – она еще постояла у двери, испытывая муки желания и стыда одновременно, боясь собственного безрассудства и возможности быть застигнутой врасплох. И, наконец, переборов чувства, сдвинулась с места – пошла в свою комнату. «И ведь все вокруг за. И Полинка. И Славик...» Она поймала себя на мысли, что не могла ничего глупее придумать, чем апеллировать к мнению посторонних людей. Даже если эти люди – самые близкие родственники. «А Пашенька? Он какой-то непонятный. Вроде и смотрит на меня влюблено, но держит дистанцию. Почему? Может, надеется вернуться к жене? К сыну?»

Сон не приходил. Слишком щекотливым для возбужденных чувств было то, о чем думала. Но чем больше осмысливала происходившее сегодня, тем больше убеждалась, что она лишняя. «Да, – рассуждала, – у Паши сейчас кризис. Но это пройдет. И все наладится. А значит – не надо путаться у него под ногами».

В конце концов, решение было принято. И каким бы противоестественным оно ни казалось, оно принесло облегчение уставшей от шатаний чувств душе. Наташа еще некоторое время пыталась размышлять об этом, но навалившаяся усталость смежила потяжелевшие веки, и сознание растянулось во все стороны, растворившись во вселенной.

Проснулась она ближе к обеду. Последней. Что-то не поделили племянники. И их разборки, несмотря на старания Полины, стали достаточно громкими. Старшему, кажется, перепало, потому что он сетовал на брата обиженным голосом:

– А-а, мамочка, все время мне ни за что попадает. А он первый начал.

– Нет! Это ты, ты, ты – слышалось откуда-то из глубины квартиры. Видимо, мальчишек рассадили по комнатам.

– Ты же старший, – парировала Полина аргументом всех матерей на свете, – а он маленький – не понимает ничего.

Наташа еще полежала, то прислушиваясь к окружающей ее жизни, то уходя в себя, в свои пришедшие снова переживания. Наконец, решила – пора. Побаливала голова, и хотелось выпить кофе.

– Доброе утро, – она выглянула как раз вовремя – кроме Полины никого в прихожей.

– Доброе, – сестра протирала пол у входа, – Сейчас, я быстро. Пока ты приведешь себя в порядок, я буду готова. Попьем кофе. А то, может, ты хочешь чего посушественней? – Полина посмотрела вопросительно, – Мужики наши уже. От кофе отказались... Конечно. Обсуждать вчерашнюю отставку российского президента под кофе? Да и Новый год никак.

– Нет, Полиночка, только кофе.

Через полчаса все, кроме детей, сидели за столом. Мужчины, не терявшие зря времени, уже достаточно громко выражали свои мысли. Шутили, стараясь рассмешить женщин. И, в общем-то, было весело, если не считать легкого волнения, неуловимо присутствовавшего в каждом. Первый день нового тысячелетия, начавшись ощущением продолжения праздника, уже вносил пока еще не ясные коррективы в жизни участников застолья.

«Какая она будет – жизнь? – подумала Наташа, – В этом новом тысячелетии. В новом веке. А главное – в новом теперь государстве? – ей вдруг стало стыдно, что подумала только о себе, – И не только для нас – россиян, – стала по-детски оправдываться, – И для Беларуси тоже... Что с нами будет? С родителями. С Полиной и Славиком. С Пашей... Все теперь в руках Господних». Чувство, возникшее при осмыслении произошедшего события, страхом в классическом понимании не было. Но знание истории и уже личный Наташин опыт, сложившийся на протяжении конца восьмидесятых и за все девяностые годы не обещали ничего хорошего. Они говорили, что будущее в России при смене лидера – тайна за семью печатями. И не факт, что за вскрытием этих печатей последует благополучие и процветание. Дай бы бог, чтобы за ними не оказались горе и смута.

13.

Через два дня Наташа уехала. У нее, оказывается, был обратный билет.

На перроне Павел несколько раз перехватывал ее нежный – она этого и не скрывала – пронзительный взгляд. А, уже прощаясь, когда они обнялись, она тихо прошептала:

– Если захочешь, я вернусь.

Это прозвучало странно, потому что никакой близости, никаких намеков на серьезные отношения не было – только дружеские объятия и поцелуи. Но, может, он чего-то не заметил, не обратил внимания, зациклившись на игре в брата и сестру?

Однажды, под конец рабочего дня, уже в феврале, позвонил Слава.

– Привет, пропажа. Чем ты там занимаешься? Может пора закругляться уже?

– Привет, Славик. Да уже ничем не занимаюсь. Ты что-то хотел или так позвонил – поболтать?

– Ну, ты, старик, даешь. Мы что с тобой – бабы у колодца, чтобы просто так болтать? Бросай все и дуй ко мне – ты мне нужен.

– А что случилось? – Павел понял – Слава уже на расслабоне.

– Старик, не спрашивай, а то разозлюсь. Просто приезжай.

– Хорошо. Приеду.

Выходя из кабинета – уже одетый, столкнулся с Вероникой.

– О! А я как раз хотел зайти к тебе – попрощаться... И сказать, что все документы на завтра готовы.

– А ты куда летишь так?

– К Славе. Сказал – срочно приезжай.

– Ну-ну, – улыбнулась Вероника, Давай, Думанский. Только ж не увлекайся.

По дороге домой Павел заскочил в магазин – купил детям по плитке шоколада и фрукты. Забежал к себе, на минутку – посмотреть, как идет работа у ребят. На днях нанял парня с девушкой – семейную пару – сделать «косметику» в квартире. Наконец-то дошла очередь и до обещанного ремонта. Сегодня уже должны закончить кухню – оклейку обоев и укладку линолеума. Работой остался доволен.

Такси поймал быстро – даже ждать не пришлось. И как доехал не заметил. Думал – обо всем и ни о чем.

Открыл Слава.

– Ну, наконец-то, мой дорогой друг, вы изволили явиться. А то я уже заждался.

– Ты, я смотрю, меня особо и не ждал, – Павел передал ему пакет.

– Извини, дорогой, – улыбнулся Слава, – ты слишком долго ехал.

Они прошли на кухню, где Полина накрывала на стол.

– О-о, так я, значит, к ужину? Привет, Польш.

– Как раз. Только вот некоторые, – она бросила сердитый взгляд в сторону Славы, – опередили события.

– Да. И нисколько об этом не жалею. Пашка, мы сегодня тендер выиграли – на три года работы вперед... Ну, и естественно – немножко покор-пор-ративили, – ликующе парировал нападки жены Слава, – Это что – не повод?

– Повод, повод. Паш, порежь хлеб, пожалуйста... Не было сегодня такого, как я беру обычно – нарезного. Пришлось брать, что было.

– С удовольствием. Руки только вымою.

За ужином Слава рассказывал о конкурентах, которых им удалось обойти. О том, какие предпочтения предложили заказчику, что и помогло склонить его на свою сторону. Потом он вдруг о чем-то задумался, продолжая жевать, поглощенный, видимо, какой-то идеей, пришедшей в процессе эмоционального монолога. Наступила тишина, нарушаемая изредка звуком соприкосновения металла и фаянса.

Павел, воспользовавшись паузой, спросил Полину о Наташе.

– Да все нормально. На шестнадцатое февраля назначен суд.

– Какой суд? – Павел опешил, – Ты о чем, Поля?

– Как о чем? О-о... – она не смогла скрыть удивления, – Да ты, я смотрю, не в курсе. Я думала, что Наташка тебе все рассказала, когда приезжала.

– Что за суд? Не томи, – Павел вдруг разволновался – В какой-такой переплет попала Наташа?

Полина поняла его волнение.

– Да успокойся ты. Это всего лишь раздел имущества. Да и тот – формальность. Они с Горюновым развелись. Чего ж Наташка и была на Новый год одна.

«Почему она мне ничего не сказала? – Павел почувствовал себя обманутым, – Ведь все могло сложиться иначе».

– Странно, почему она тебе ничего не сказала? – как будто прочитав его мысли, спросила Полина. И странно: через этот риторический вопрос Павел ощутил ее поддержку, так необходимую ему сейчас, – Наверно, не хотела предстать перед тобой в роли брошенной жены. Ах, Наташа, – Полина произвольно цокнула языком, изумляясь, – А с другой стороны, я ее прекрасно понимаю. Кому приятно, когда тебя меняют на девочку. Илья Михайлович хорош.

У них и с Наташкой-то десять лет разницы. А с этой пигалицей, наверное, все двадцать. Вот кобель! – не сдержала она чувств.

– Ну чего ты, Полюшка, – Слава очнулся от своих размышлений, – Нормальный мужик Илья Михайлович. Может у него любовь? И Наташка не с пустыми руками. Да и не любила она его. Сама знаешь. Так что неизвестно еще – проиграла наша Натаха или выиграла, – он засмеялся, – Да и купец у нас тут нарисовался, – Слава встал и положил Павлу руку на плечо, – Да, Пашка?

Павел почувствовал, что краснеет.

– Ну вот, – победоносно заявил Слава, – Вот и подтверждение, – он рассмеялся.

– Да ну тебя, Ковальский, – чувствовалось, Полина была возмущена, – Твоей бестактности нет предела.

– А чего? Я что – при посторонних говорю? Все свои. Пошли, Пашка, нас уже шахматы заждались, – он взял недопитый коньяк, – Бери свой бокал... Пошли, пошли.

Павел встал машинально, взял коньячную рюмку и поплелся следом.

– Паш, – услышал вдогонку, – ты хоть наелся? – Полина, словно извинялась за мужа.

– Да. Спасибо, – обернувшись, он увидел в ее глазах понимание момента и не сдержал чувств, – Поль, почему она так?

– Ну, ты чего, Паша? Все будет хорошо, – стала она успокаивать его, – Все образуется.

– Конечно, – ответил он, усмехнувшись с сарказмом, – А как иначе?

Пять коротких партий, в которых Павел позорно проигрывал, показали его внутреннюю несобранность. Играл только ради друга, чтобы поддержать его сегодняшнее хорошее настроение. Когда уходил, Полина, посомневавшись, попросила:

– Паш, ты не говори ей ничего при случае. Не выдавай меня. Раз сама не сказала, значит – не хотела говорить... А впрочем, как знаешь... – она замолчала. Но чувствовалось, что не договорила, что не сказала чего-то главного. Наконец, преодолев себя, решилась, – Ты что – и вправду, до сих пор любишь ее?

Павел посмотрел на нее, и ничего не ответил. Только приподнял плечи в немом вопросе. Даже Слава промолчал – почувствовал драматизм сцены.

– Пока, ребята. Мне у вас всегда так хорошо.

Всю дорогу и весь оставшийся вечер Павел провел в осмыслении неожиданно свалившейся на него новости и воспоминаниях новогодней встречи. Периодически, прерывая причинно-следственную цепочку размышлений, в нем возникал и начинал пульсировать вопрос: «Почему не сказала?» И не находя удовлетворительного ответа, исчезал, чтобы снова и снова вернуться. Он, словно сигнал радара, проникал в бессознательные пределы психики, выиски-

вая там все новые и новые воспоминания, пока, наконец, не нашел то, что искал. «Если захочешь, я вернусь», – словно наяву прозвучал в сознании голос Наташи. «Вот же оно, – обрадовался, – Почему не сказала? Сказала. Только я этого не понял».

14.

Уже было настоящее лето – июнь. Паша готовился к экзаменам. По ночам шли дожди, а днями жарило солнце. Растительность бушевала. Начало лета всегда сопровождалось обилием запахов пробуждавшейся жизни, но нынешний год – совершенно особенный. Вечерами от парящих ароматов просто вышибало мозги. Запахи не давали возможности на чем-то нужном сосредоточиться, они влекли из дому, инстинктивно настраивая чувства на неуловимую для осмысления волну, зовущую соединить прошлое и будущее. Как будто жизни предков, перемешавшись в крови ныне живущих, жаждали воплощения новых жизней, новых жертв на алтарь судьбы.

Всему свое время. Наконец, и экзамены позади. Сегодня – выпускной. С шести до полседьмого прошла торжественная часть, а потом были танцы – до одиннадцати. Ну а теперь – ночные бдения. Как у всех. Встреча рассвета новой жизни.

Сегодня суббота, и с летней танцплощадки, расположенной недалеко от школы, доносится музыка. Паша посмотрел на подаренные родителями по случаю окончания школы новые часы: еще пятьдесят семь минут до конца танцев.

Мысль пришла не ему одному.

– Айда на скачки! – бросил кто-то из ребят, – Время еще есть. А потом уже пойдем на реку – рассвет встречать.

Парни и некоторые девчонки сразу же подхватили предложение. Как всегда, мнения разделились, но большинство – за «продолжение банкета».

К танцплощадке подошли, когда до окончания оставалось минут сорок. В это время уже не билечивали. Вход свободный. Все рассыпались – кто куда. И Павел почему-то остался один. Решил поближе протиснуться к небольшой эстраде – поздороваться с парнями из группы, которых хорошо знал.

Народу по периметру – не протолкнуться. Случайно, протискиваясь между группками, задел плечом девушку, стоящую к нему спиной. И еще не успел извиниться, как она возмущенно обернулась.

– Наташа?! – он ступешался, – Извини! – из-за грохота совсем близко стоявших колонок даже сам себя чуть расслышал. Увидел, как меняется выражение ее лица.

– Паша!? Это ты?! – прокричала она обрадовано, – Ну что?! Нормально закончил?!

– Да! Нормально! – стыдно было признаваться, что у него общий бал – три и девять.

– Пошли! – она взяла его за руку и потащила в середину танцующих пар, подальше от гремевшей эстрады.

Все так неожиданно произошло, что Паша даже не успел растеряться. Может, только чуть покраснел, но здесь, в лучах цветных прожекторов, все равно ничего не видно.

– А ты что – с выпускного сбежал? – почти прикоснувшись к уху, спросила Наташа.

– Да нет, мы сюда всем классом завалили. Вечер в школе уже закончился.

– Так рано? А в прошлом году у нас до часу был.

Пауза, появившаяся от того, что тему уже продолжать дальше некуда, не стала гнетущей. Она как-то безгранично, плавно возникла после совершенно пустой Пашиной фразы «вам повезло». А к чему это «повезло», он и сам не понял. Сказал и сказал. Просто не хотелось думать ни о чем. А только наслаждаться объятиями, движением, близостью. Всем тем, что делает жизнь такой понятной и обоснованной. Без заморочек о ее смысле. О ее трудностях и выгодах. Пришел именно тот момент, который только и мог открыть всю неуловимую для логики суть жизни, когда два сердца подстраиваются под ритм друг друга, соединяясь в единстве порыва. По крайней мере, так чувствовал Паша. Без осмысления того, что происходило само по себе. Ему просто нравилось чувствовать то, что он чувствовал, и не хотелось, чтобы это прекращалось.

Когда закончился танец, и он собрался провести Наташу до того места, где перед этим та стояла с подругами, она удержала его. Обернувшись, Паша увидел ее глаза. И его вдруг осенило пониманием чего-то важного – такого, от чего зависит его и ее жизнь. Чувство единства, еще не испарившееся после объятий, вдруг нахлынуло на него с новой силой. Именно оно – это чувство – струилось из Наташи, заполняя всю его суть. Он так ясно ощутил поток энергии исходивший от нее, что яснее не бывает.

– Ты проводишь меня сегодня?

Наверное, вдруг сверкнувшая молния произвела бы меньший эффект. И хотя Паша уже предвкушал появление чего-то неординарного, все же замер от неожиданности. Замерла и Наташа, жертвенно ожидая его решения.

На какое-то мгновение они оказались почти одни на освобождавшейся после очередного танца площадке.

– Да, Наташа. Конечно, – он коротко, по-дружески взял ее за плечи. Машинально. В порыве чувств. Ликование, зарождавшееся в душе, которое он всячески старался не показывать, распирало. Хотелось схватить Наташу – задушить в объятиях, зацеловать. Туловище, мышцы требовали реализации, вызванной насилием желез, взбешенных эмоциональным состоянием. Паше было и плохо, и хорошо одновременно. Это был шок, сопровождавшийся волнами эйфории. «Сама... Она сама».

15.

Прошла зима со всеми своими погодными вывертами. Весна две тысячи первого про- свистела пернатыми зазывные трели. И лето, порадовав, насколько это было в его силах, уже ушло из своей завершающей стадии. За ним проследовали сентябрь и октябрь. А Наташа все

не приезжала, хотя подтвердила ему по телефону то, что говорила и Полине – «обязательно приеду, как получится». Если бы она, когда звонила, сказала о разводе, может, что-то бы и стонулось. Но она молчала. А поэтому молчал и Павел, рассчитывая на серьезный разговор по приезду. Не мог из-за просьбы Полины пересилить себя – спросить. «Да и как? Подумаешь, позвонила. Могла и так просто: мало ли какое настроение бывает. Вспомнила и позвонила – не чужие же... А на самом деле, может, у нее там кто-то уже есть? Может, муж вернулся? Да и какая может быть любовь, после того, что я тогда вытворил?» Все, что показалось близким и реальным в канун Нового года и после него, на самом деле оказалось зыбким и неправдоподобным. А тут еще жизнь подбросила новое испытание. Лена вышла замуж. И – конечно же, это происки тещи – Павла стали донимать, чтобы он отказался от сына – мол, новый муж хочет крепкую семью. А для этого необходимо усыновление Алешки.

Павла такая заявка взбесила не на шутку. Он осознавал свое бессилие перед «этой сукой», и поэтому страдал безмерно. Самое неприятное – со стороны все выглядело благопристойно – забота о будущем ребенка. Первый раз, когда Лена позвонила – «нужно встретиться по важному делу», она пригласила его к себе. «Ну, уж нет!» – Павел смекнул, что без «мамочки» не обойдется. И оговорил сразу: встреча на нейтральной территории и без Елизаветы Кондратьевны, иначе он не придет.

Когда встретились, и Лена, после того, как познакомила с мужем, озвучила тему разговора, Павел ужасно расстроился. Неприятное ощущение, уже вызванное мужской конкуренцией, миллионами лет создаваемой природой, померкло по сравнению с тем, что у него хотят отнять ребенка. «Мало того, что этот ханурик имеет мою жену, ему еще и ребенка подавай, – мысль почему-то принесла чувство неудобства перед человеком, который еще не успел толком попробовать тещиных блинов, – А попробует? И поминай, как звали?»

– Лена, ты хоть представляешь, на какой шаг вас толкнула Елизавета Кондратьевна? Голову даю на отсечение, что это ее затея. Ты хоть представляешь, что будет дальше? А если у вас не срастется? – он посмотрел на парня, – Извини, Михаил, это правда жизни.

«Тихий какой-то, – подумал, – Точно – ханурик». Даже жалко его стало на мгновение. «Этот, видимо, будет терпеть». Последняя мысль вернула возмущение: «И этот будет отцом моего Алешки? Бре-ед». Но этого бреда требовала его бывшая жена – мать его ребенка. Павел наотрез отказался.

– Думанский!?! – пустила в ход Лена последний аргумент, – Тебе же алименты не придется платить.

От такого дипломатического хода Павел расвирепел.

– Ты что... женщина, – хотел сказать «дура», но в последний момент удержался, – Сыном торгуешь?

– Вы не правы, Павел... – вставил свои пять копеек ханурик.

– Послушай! – Павел довольно агрессивно одернул Михаила, – Ты бы не лез не в свое дело. Ты еще и близко не представляешь, в какое болото попал... И вообще, – обратился он к Лене, – Давай-ка, дорогая, прекратим эти торги. Я думал – с Алешей что-то не так без меня. А тут – вон оно что. Знал бы – ноги моей здесь не было бы. Все. Пока.

Он развернулся и пошел.

– Думанский!? Ты – подонок, – выкрикнула Лена вдогонку любимое словцо матери, – Ты же рушишь мою жизнь.

Мысль о том, что в этой атмосфере находится сын, и что он теперь для тещи – его, Павла, воплощение, неприятно резануло душу. И рана стала саднить не прекращавшимися прикосновениями всякого рода предположений, обостривших ощущение безысходности и чувство обиды.

Эти новые размышления на какое-то время отдалили его от предыдущих – о Наташе. Сложилось впечатление, будто вернулась его прежняя жизнь – так снова он увяз в разборках с этими двумя женщинами. Отметился и братец Лены – позвонил ему на работу: угрожал, что, если не откажется от сына, грохнет его где-нибудь в подворотне. Павел не стал даже отвечать этому идиоту. Стоило ли обращать внимание на придурка? Боялся он совсем другого – как бы теще не удалось достать Петра Даниловича: «Вот тогда полный... будет. Если ей это удастся, если Петр Данилович все же сломается, то все – прощай работа – налоговики замордуют». А то, что теща уже обращалась к нему с подобной просьбой, он не сомневался ни капли. Но все же рассчитывал и на порядочность тестя, и на его тихую ненависть к жене.

Когда Павел рассказал Веронике – чего от него хотят, она так и сказала:

– Ну, Паша, если сразу не уложили нас с тобой, то теперь точно уложат.

– Вероника! Вот именно! Если бы уложили, то это бы сделали сразу. Петр Данилович не такой мужик, – сказал, чтобы успокоить напарника. Но самому спокойствия такой расклад не принес – слишком хорошо знал тещу: «Добьется, сука, своего рано или поздно». Один только аргумент что-то значил. Павел не вчера заметил: Петр Данилович в глубине души давно уже готов был расстаться с Елизаветой Кондратьевной, но при своей должности, скорее всего, боялся публичного скандала. Знал, на что может пойти эта приземленная женщина, если ей прищемить хвост. По его поведению чувствовалось – он просто терпит ее. «А взять мои отношения с Ленкой, постоянно стимулируемые для него тещей. Почему он ни разу не отреагировал на них? Почему не занял позицию дочери? Мужская солидарность? – Павел усмехнулся, – Глупее ничего не мог придумать?» Что-то за всем этим скрывалось. Когда он приходил в канун Нового года поздравить сына, было ощущение какой-то близости, исходившее от тестя. Почему? Павел посмотрел на Веронику.

– А ты знаешь? – он вдруг понял, что именно такой аргумент должен успокоить ее, – Думаю, что тесть не глупый мужик, и ему не нужны заголовки в газетах типа «Кобенин мстит бывшему зятю за развод с дочерью».

– Паш, ты это серьезно? Или шутишь? Ты что и вправду думаешь, что у нас такое возможно? – Вероника с сарказмом усмехнулась, – Думаешь, он не предупредит такой выверт в свою сторону? Ты прав, он – мужик не глупый. И поэтому, прежде, чем возьмется гнобить нас, сначала позатыкает всех редакторов. Это тебе не Москва и не Париж с их противоборствующими силами.

– Ну и мрачную же картину ты рисуешь, Вероника, – Павел засмеялся. Но как-то невесело это у него получилось.

– А давай, Думанский, зарулим куда-нибудь сегодня, – Вероника озорно посмотрела на него, и не дождавшись ответа, предупредительно добавила, – Да, ладно. Я же не к себе тебя зову. Я понятливая. Но мы же с тобой, как-никак, друзья. Вот и посидим, как друзья.

В ее голосе – в последней фразе прозвучала горечь. И Павел понял – отказать Веронике сегодня он не то, что не может – не имеет права.

– Я – за, – нарочито бодро выпалил он, – А пойдем в наше кафе. И ехать никуда не надо.

– Так, может, пораньше закончим? – Вероника с благодарностью посмотрела ему в глаза.

– А давай.

Вечер они полностью провели вместе, почти до самого закрытия. Потом он посадил ее в такси и отправил домой. А сам решил прогуляться.

Уже начало ноября, но такое ощущение, как будто только еще начинается октябрь. Ветра нет. Тепло. Градусов восемь тепла – не меньше. Всюду желтая и красная листва под ногами. На черном влажном асфальте вся эта прелесть, источающая приятный аромат увядания, ностальгически действует на память, вытаскивая на поверхность сознания забытые эпизоды из прошлого. И вся эта атмосфера снова и снова оживляет то счастливое время, когда их отношения с Наташей миновали стадию привыкания друг к другу. Пришло состояние единства, когда можно часами гулять – рука в руке, изредка перебрасываясь короткими фразами, и только пожимая кончики пальцев или поглаживая их. А можно без умолку говорить что-то такое, что для постороннего человека, оказалось бы бредом сумасшедшего. Или сидеть в парке на скамье, обнявшись. Согревая друг друга. Молча наслаждаясь тем не выразимым словами чувством, которое существует только между любящими и одновременно любимыми.

16.

Наташа, год проучившись после десятого класса в железнодорожном училище, уже работала проводницей. Из-за этого встречи укладывались в расписание поездок. А привнесенные таким образом разлуки придавали бурную прелесть встречам вслед за горечью разлук. И пусть эта горечь – всего лишь порождение юношеского максимализма, но это все же горечь. Иначе она и не воспринималась.

Паша никуда не поступал после школы – аттестат был слабоват. А с другой стороны, каким бы странным это ни казалось – он хотел в армию. Так сложилось среди его окружения, что на тех пацанов, кто по причине здоровья в армию не попадал, смотрели как-то не так – как на ущербных. Единственным, чего боялся, но чего безрассудно втайне желал, был Афганистан. Конечно, хотелось прийти героем, но ведь можно же – и в цинковом гробу, а еще хуже – загнуться от пыток где-нибудь в плену. А это в планы Паши не входило. У него была Наташа, которую он любил самозабвенно, и которую нельзя было оставить без себя. Да и родители, в конце концов. Особенно мама. Но выбирать не ему. Выбор – за судьбой. И вот такая рулетка его пугала. Он не был из отчаяюг, которым все по барабану – из таких, кому смерть красна, лишь бы на миру. Но и трусом себя не считал: придется, так придется – увиливать не станет.

Но если не позовут, сам набиваться не будет. Что он – дурак, что ли? Да и на службу ему только весной. Еще полгода. Может, и война к тому времени закончится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.